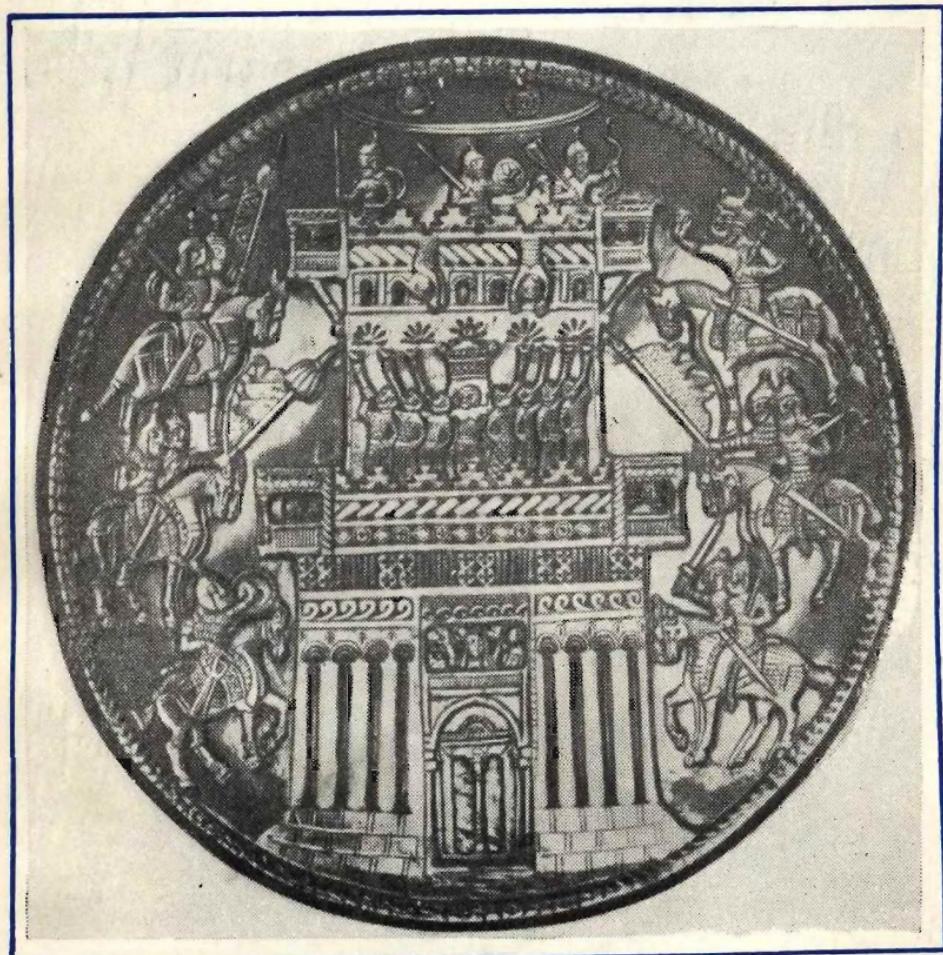

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ
НА ОКРАИНАХ
АНТИЧНОГО
МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Из истории мировой культуры»

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

**НА ОКРАИНАХ
АНТИЧНОГО МИРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1975

В книге рассказывается об истории, культуре и искусстве стран Передней и Средней Азии, а также народов, обитавших на бескрайних просторах евразийских степей в эпоху эллинизма. Автор анализирует те новые явления, которые были присущи этому периоду, показывает взаимопроникновение восточных и западных элементов культуры.

Г. А. Федоров-Давыдов — доктор исторических наук, профессор, начальник Поволжской археологической экспедиции АН СССР и МГУ, автор книг «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (М., 1966), «Монеты рассказывают» (М., 1963), «Курганы, идолы, монеты» (М., 1968).

На первой странице обложки
среднеазиатское серебряное блюдо. VIII—IX вв.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА
НА БЕРЕГАХ
ПОНТА ЕВКСИНСКОГО

Предание говорит, что у Афаманта, царя греческого города Орхомена, было двое детей: дочь Гелла и сын Фрикс. Мачеха захотела от них избавиться. Она добилась того, что Фрикса решили принести в жертву богам. Но мать Геллы и Фрикса — богиня облаков — послала своим детям барана с золотой шерстью. Он унес их подальше от злой мачехи. По дороге Гелла упала в море, которое с тех пор стали называть Геллеспонтом. Фрикс достиг страны Эа (вероятно, это была Колхида). Там он принес своего спасителя в жертву, а его шкуру — «золотое руно» — повесил в священной роще.

На хмурой горе Пелеон мудрый кентавр Хирон вырастил героя Язона, сына Эсона, типичного грека — предпримчивого и беспокойного. Язон собрал смелую команду и отправился на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном. По дороге ему пришлось встретиться со многими трудностями и пережить страшные испытания. Наконец, аргонавты приплыли к царю Аэту. Чтобы получить золотое руно, нужно было совершить немало подвигов. Язон показал, на что он способен: распахал поле плугом, в который были запряжены огнедышащие быки с медными ногами, засеял его зубьями дракона, а когда из этих зубьев выросли воины, сразился с ними и перебил их. Язона полюбила Медея, дочь Аэта, которая дала ему мазь, превратившую его в непобедимого богатыря.

В этих преданиях, и прежде всего в мифе об аргонавтах, отражено знакомство греков с Черным морем.

Сначала они его называли Понт Аксейнос — негостеприимное море, потом переименовали в Понт Евксинос — гостеприимное. Часть пути Одиссея шла вдоль его берегов. Он плавал к киммерийцам — в отдаленную туманную землю, где никогда не восходит Гелиос, потому что он хранит свои лучи в золотом дворце в стране Эа. Го-

мер писал о коротких северных ночах — о них греки узали, когда попали в причерноморские степи. Там Одиссей вызывал к себе мертвых. Духи носились над его головой, как испуганные темные хищные птицы: Геракл, Мегера, Федра, Сизиф, Тантал... Это было в те отдаленные времена, когда дочери царей сами ходили стирать белье на песчаную морскую отмель, а цари готовили себе обед у очага.

По следам аргонавтов начиная с VIII в. до н. э. плыли в Причерноморье торговцы и земледельцы из греческих городов. Много основал там колоний малоазийский город Милет. Греки не селились далеко от берега — их пугал чуждый мир варваров, туда они только совершали торговые экспедиции.

Спокойнее всего греки чувствовали себя в окружении знакомой стихии — моря. Цицерон как-то сказал, что они похожи на лягушек, которые расселились вокруг пруда.

* * *

Первые колонисты основывали свои поселки на островах и полуостровах. Например, на Березани у входа в Днепровско-Бугский лиман в VII в. до н. э. возникла торговая фактория. Когда фактория утратила свое значение, люди переселились на берег лимана, где вырос в VI в. до н. э. новый город — Ольвия.

Это был один из крупнейших городов-колоний Милета. Греки назвали его «Счастливым» («ольвия» по-гречески — «счастливая»). Но Ольвии выпала трудная доля. Ее тревожная история, характерна для городов, зажатых между Черным морем и другим «морем» — степным океаном, где жили воинственные племена кочевников-скифов, чей образ жизни и чьи нравы были чужды грекам. Рассказывали, что за далекими скифскими равнинами к северу и востоку живут племена, которые почитают своих предков, но убивают их, когда те состарятся. Мясо убитых они поедают с бараниной вперемешку, а из черепов делают позолоченные чаши и пьют из них на поминальной тризне.

Рабовладельческая республика, типичный греческий полис Ольвия скоро стала независимой от метрополии и зажила своей особой жизнью. В IV в. до н. э. она достигла вершины экономического и культурного развития. Не дрогнув, выдержала Ольвия в 331—330 гг. до н. э. осаду Зопи-

риона — полководца Александра Македонского. Оживленно вела она торговлю со скифами: получала из степи рабов, зерно, а вывозила керамику, украшения, зеркала.

Некоторые скифские аристократы эллинизировались настолько, что предпочитали проводить все время в Ольвии. Царь Скил потерял из-за этого престол и поплатился головой. Он все время жил в городе, участвовал в мистериях и празднествах в честь Диониса, носил греческую одежду, писал по-гречески, ходил без стражи по улицам среди горожан, оставил свой отряд за стенами Ольвии. Какой-то ольвиополит показал скифам их предводителя в тот момент, когда он, пьяный, в растерзанных одеждах, предавался вакхическим оргиям. Все войско скифов узнало об этом, и царю пришлось бежать во Фракию. Спустя некоторое время он был выдан новому скифскому царю и обезглавлен...

В центральной части Ольвии, на главной городской магистрали, была раскопана рыночная площадь — агора — размером примерно в полтора гектара. В центре ее находился свободный участок — все строительство шло по краям. От самых древних построек — VI в. до н. э. — сохранились подвалы складских зданий. В них археологи обнаружили много монет, а на агоре — металлические кружки — заготовки для чеканки денег: где-то здесь, по-видимому, был монетный двор. На площади действовала сложная система водостоков и водопроводных труб для подачи воды. В северной части агоры возвышалось святилище с алтарем в центре, и неподалеку находилась священная роща. Позже здесь построили два храма — Зевса и Аполлония Дельфиния. Храмы много раз перестраивались. У входа в святилище в цистерне нашли множество терракотовых статуэток — больше всего богинь плодородия Деметры и Кибелы (сидящей на троне с львенком на коленях), Афины, а также крылатого гения. Их в качестве пожертвований приносили в храмы. Здесь же лежали черепа жертвенных быков с отверстиями в лобной части и на рогах. Черепа вывешивались в торжественные дни на стенах храмов и украшались гирляндами цветов. Потом, когда шум празднества затихал и жертвоприношения заканчивались, все это сметалось в старый, пршедший в негодность водоем.

На агоре стояли на постаментах стелы с высеченными на них декретами городских властей или надписями в честь

героев и памятных событий. Разгуливая по дорожкам, вымощенным черепками, ольвиополиты читали эти надписи, поучая детей на примерах славной истории своего города.

Ольвия делилась на две части — верхний город, где была агора и располагались главные городские кварталы, и нижний. В нижнем городе раскопаны мастерские, в том числе гончарные, и большая пекарня.

При раскопках было открыто множество домов рядовых жителей Ольвии. Дома они складывали из камней. Стены на улицу делались глухими. Двери комнат выходили на маленькие внутренние дворики, выложенные цветной галькой.

В город приезжали купцы. Торговля являлась одним из главных занятий и основой процветания жителей Ольвии. На больших площадях были выставлены декреты о том, что иностранные купцы имеют в Ольвии важные привилегии.

На окраине Севастополя, на Гераклейском полуострове, находилась другая греческая колония — Херсонес. Колонисты назвали ее так потому, что то место, где Херсонес был построен, выдавалось далеко в море («херсонес» означает «полуостров»). Этот город возник в V в. до н. э., и его жителям пришлось выдержать борьбу с местными племенами тавров. Греки в землю тавров приплыли с южного берега Черного моря, из Гераклеи Понтийской. Постепенно Херсонес подчинил себе всю округу. Под его управлением находились древние города Керкинитида (близ современной Евпатории) и Прекрасная Гавань.

Херсонесцы гордились своим городом, и, когда их историк Сириск, живший в III в. до н. э., описал рост и усиление Херсонеса, да к тому же присовокупил к своему сочинению изложение чудес, сотворенных херсонесской богиней Девой, они увенчали его золотым венком и поставили в его честь мраморную стелу с почетным декретом.

Постепенно Херсонес усилился настолько, что перестал бояться тавров. Но в III—II в. до н. э. в Крым нахлынули из причерноморских степей скифы, они оказались значительно более опасным соседом. Спасаясь от варваров, Херсонес был вынужден войти в состав сначала Понтийского, а потом Боспорского царства. Затем пришли новые хозяева — могучая римская армия, за ними — византийские наместники.

Сегодня на городище Херсонеса стоят мощные стены,

перестраивавшиеся много раз,— молчаливые свидетели битв и осад. У основания они сложены из больших неровных камней. Видны и более поздние ярусы с воротами и бойницами, сооруженные римскими инженерами. Их охраняли железные легионы империи. За стенами открываются лабиринты древних улиц, мостовые античной и византийской эпохи, разрушенные дома, мастерские, подвалы. На синем фоне воды и неба вырисовываются стройные колонны базилик.

Перед нами небольшая домашняя баня I в. до н. э. Пол ее выстлан мозаикой, набранной из цветных галек. В центре — ваза для омовений, опершись на нее, в томных позах стоят обнаженные девушки, между ними летит птица — простая сцена полна особого изящества. Открыли археологи и большие общественные термы римского времени с мощными стенами, высокими арками (II в. н. э.) — бани и клубы одновременно, рассчитанные на сотни посетителей.

Теперь зайдем в дом богатого рабовладельца, виноторговца II—III вв. н. э. В его винодельне три давильни с площадками. Перед каждой — резервуары для стока сока. Между винодельней и самим домом — склад, где хранилось 25 пифосов — огромных глиняных бочек для вина. Двор вымощен каменными плитами. Здесь были колодец и цистерна для хранения воды. В углу двора можно отыскать лестницу, которая вела в подвал. Там стоял жертвенник, посвященный подземным богам. Сам дом был двухэтажный. Наверху жили владельцы. На черепках посуды, найденной в доме, нацарапаны имена хозяев — Аристон, Зета и др. Эти же имена встречаются на стелах. Вероятно, Аристон и Зета были важными должностными лицами.

Жили греки просто, даже богатые. В комнатах было просторно. Мебели мало (обилие ее считалось ненужной роскошью). Простой ларь для вещей из дерева часто с росписью — меандры, пальметы, листья аканфа... Столы нередко на трех ножках в виде лап зверя. Возле них табуреты и изящные стулья с изогнутыми остроконечными ножками и округлой, чуть откинутой назад спинкой, кровати — «клины», на которых спали и ели, и низенькие переносные столы «трапедзы», которые потом задвигали под кровать.

Там, где обитало рядовое население, солили рыбу. В скале вырубали большие ямы — цистерны, обмазывали

их штукатуркой и обкладывали камнями. В цистерну не проникали грунтовые воды, и рассол не мог оттуда вытечь. Здесь же устраивали кладовые с пифосами. В найденных цистернах и пифосах сохранился слой слежавшейся соленой рыбы, возраст которой около двух тысяч лет.

В Херсонесе был раскопан театр. Площадка — орхестра, на которой выступал хор, полукруг каменных скамеек. Греческие актеры переодевались к выходу в сцене — небольшой пристройке возле орхестры. Когда по ходу действия героя убивали, это происходило тоже в сцене («за сценой»), и зрителям показывали потом только неподвижно лежавшего актера. Сцены разыгрывались на фоне естественных живописных декораций с холмами на противоположном берегу залива.

Средневековье не пощадило античности. Театр разрушили и камень использовали для строительства новых домов. На месте театраозвели церковь.

На главной площади когда-то были храмы. Но от них ничего не осталось. На их развалинах поднялись христианские базилики. По преданию, здесь в X в. н. э. крестили русского князя Владимира. На этом месте в XIX в. построили огромный безобразный собор.

Как в Ольвии, так и в Херсонесе на площадях стояли мраморные стелы с декретами. Среди них самая знаменитая — плита с присягой херсонесцев III в. до н. э. В ритмичных ее фразах оживает перед нами древний Херсонес — один из многих греческих городов-республик.

Каждый житель Херсонеса должен был клясться Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укреплениями херсонесцев, а затем говорить следующее:

«Я буду думать о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной Гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которую херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару не предам, но буду оберегать все это для херсонесского народа.

Я не буду ниспровергать демократического строя и не дозволю этого тому, кто захочет предать и ниспровергнуть этот строй, и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц.

Я буду врагом тому, кто станет замыплять дурное и предавать или отторгать Херсонес, или Керкинитиду, или

Прекрасную Гавань, или укрепленные пункты и терри-
торию херсонесцев.

Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и
наиболее справедливое для государства и граждан.

Я не буду разглашать ничего из сокровенного ни эл-
лину, ни варвару, что должно принести вред государству.

Я не буду давать или принимать дара во вред государ-
ству и гражданам.

Я не буду замышлять никакого несправедливого дела
против кого-либо из граждан, не отпавших (от Херсоне-
са), и не дозволю этого другим, и не утаю, но доведу до
сведения и на суде подам голос по законам.

Я не буду составлять заговора ни против херсонесской
общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объяв-
лен врагом народа.

Если я вступил с кем-либо в заговор или связан ка-
кою-либо клятвой или заклятием, то мне, нарушившему
это, и тому, что мне принадлежит, да не будет лучшее, а
соблюдающему — противоположное.

Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем
или зарождающемся, я доведу об этом до сведения долж-
ностных лиц.

Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни
вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только
в Херсонес.

Зевс, Гея, Гелиос, Дева, божества олимпийские!

Если я буду соблюдать все это, да будет благо мне са-
мому и потомству, и тому, что мне принадлежит; если
не буду — да будет зло и мне самому, и тому, что мне
принадлежит, и пусть ни земля, ни море не приносит
меня плода, пусть женщины не приносят мне детей...»¹

Вокруг Херсонеса были разбросаны земледельческие
угодья. Ровные ряды камней — межевые знаки — очерчи-
вали прямоугольные участки виноградников и посевов —
клеры Херсонеса. Здесь же стояли дома, где жили вла-
дельцы клеров, где они хранили инвентарь и собранный
урожай, оставаясь при этом горожанами и владея домами
в самом городе.

Греческий горожанин всегда был тесно связан с зем-
лей. Когда херсонесит клялся быть верным гражданским
добродетелям и добавлял, что в случае нарушения при-
сяги пусть земля и море откажут ему в своих дарах,
то он имел в виду основные отрасли хозяйства: рыбную

ловлю, засолку и вывоз рыбы, земледелие, виноделие и хлебную торговлю.

Интересно и кладбище древнего Херсонеса.

Могилы резко разделяются по имущественному положению погребенных. Рядом с бедными или совсем нет вещей, или лежит скромный инвентарь. Богатые похоронены в семейных склепах, в дорогих нарядах, с дорогими вещами.

Золотая серьга IV в. до н. э., найденная в одной из могил, заслуживает того, чтобы рассмотреть ее внимательно. В верхней части — цветок, внизу два дерева с цветами. Под ними сидит женщина, играющая на кифаре. Между деревьями изображена крылатая богиня победы Ника, она правит четверкой запряженных в колесницу лошадей. Все детали отчетливо видны и проработаны, а размер фигур — меньше сантиметра. Как блестел этот золотой цветок, как горели на нем лучи солнца, как играли блики, когда надевала его знатная аристократка из Херсонеса в торжественный день!

Все времена женщины украшали себя. В Греции изящество, грациозность, легкость походки, ритм движений, гармоничность одежды и украшений прекрасного пола были возведены в ранг общественной добродетели. «Дурно воспитанную женщину узнаешь тотчас на улице, — говорил древнегреческий писатель, — по ее неуклюжей походке. Кто мешает ей быть грациозной? У нас нет на это никакого налога, и это не покупается ценюю денег, а они в свою очередь доставляют этим удовольствие прохожим: всякий, кто не дурак, должен стараться доставить себе удовольствие»².

Греческие ювелиры усиленно стремились помочь женщинам в этом «общественно полезном деле» — нравиться прохожим. Ювелирное мастерство в их колониях на северном берегу Черного моря достигло совершенства.

В Фанагории — другой греческой колонии, была найдена серьга, похожая на херсонесскую. Тот же золотой диск с тончайшим и изысканным рисунком по краю. В качестве украшения — мельчайшие золотые шарики, спаянные по четыре. В центре — пальметки, окружающие пышный цветок с множеством лепестков. Та же летящая квадрига, которой твердо и легко правит Ника. Рядом воин, приготовившийся вспрыгнуть на колесницу и принять участие в скачках. Все фигуры снизу обрамлены

луиницей, покрытой тончайшей сканью, а от нее вниз свешиваются бусины на золотых шнурках.

* * *

Серьги, похожие на фанагорийские и херсонесские, были найдены близ Керчи в кургане Куль-Оба. Буйно разросшиеся цветы с фантастической щедростью украшают круглый золотой диск. Еще изящней микроскопические детали, еще тоньше техника их исполнения. Поражает спокойная уравновешенность, пропорциональность и безупречный вкус. Между лепестками двойной розетки в центре диска помещены четыре крохотные фигурки морских нимф, преподносящих Ахиллу оружие и доспехи. Тонко введена в общий золотой тон бледно-голубая эмаль в местах соединения цепочек, на которых подвешены бусы в виде бутона лотоса и гирлянд аканфовых листьев (любимый мотив Греции).

Другая серьга, найденная тоже в Куль-Обе, представляла собой золотой диск с припаянными тончайшими пластинками и проволочками, на котором изображена голова Афины в шлеме. Ее взгляд суров и мудр. На шлеме помещены фантастические животные. В таком шлеме изобразил великий Фидий Афину, стоявшую в храме Парфенон на афинском Акрополе. Сойдя со своего величественного пьедестала, Афина Фидия продолжала жить в копиях, нередко таких мелких, как на этой серьге. Из-под шлема выбиваются пряди волос. На шее три нитки бус — все-таки женщина, хоть и воительница, — с золотого диска свешива-

Серьга из кургана Куль-Оба.
Золото. IV в. до н. э. Государственный Эрмитаж

вается плотная сетка привесок, бус, розеток, сложных, многолепестковых цветочков, которые скреплены шнурами, свитыми из золотых нитей.

* * *

Курган Куль-Оба находится близ древнего греческого города Пантикопея, от которого остались одни развалины.

Дома и храмы, огромные белокаменные гробницы и расписанные яркими красками склепы, рыбозасолочные цистерны и винодавильни, терракотовые фигурки и расписные вазы, стеклянные сосуды и мраморные стелы, туалетные сосудики и монеты, спортивный инвентарь и обломки деревянной мебели — все погребено в земле.

В V в. до н. э. здесь, на востоке Крыма, возникло могущественное Боспорское царство, объединившее несколько больших и множество мелких греческих колоний. Столицей его был Пантикопей, занимавший ту холмистую местность, где сейчас стоит Керчь. Царство раскинулось на берегах пролива, который греки называли Боспором, что значит «Бычья переправа». В отличие от другого Боспора у входа в Понт Евксинский они именовали его Киммерийским — в память о древних степных племенах, когда-то живших в Причерноморье. Этот пролив отделял Крым от Таманского полуострова. Пройдя его, греческие суда попадали в Меотиду — Азовское море, а затем по Танаису — Дону — могли плыть на север. По Боспору Киммерийскому, Меотиде и Танаису проходила тогда граница между Азией и Европой, теряясь далее в неизвестных просторах степей.

Окраина античного мира — Боспорское царство — и соседние скифские племена тысячью нитей были связаны с сердцем Греции — Афинами. Для Боспора Афины были центром эллинской цивилизации, к которой он стремился приобщиться. Для Афин Боспор был главным поставщиком продовольствия (значительная его часть поступала из скифских степей), посредником в торговле между скифской аристократией, жаждавшей приобрести золотые украшения, дорогие ткани, расписные вазы, и Грецией, где не хватало рабов и хлеба. Купцы из Греции охотно покупали пушнину, рабов, рыбу, хлеб, кожи. Из вывезенных причерноморских скифов в Афинах формировали полисейские отряды. Когда боспорские моряки достигали

берегов Аттики и замечали горящее на солнце копье Афины на Акрополе, они могли надеяться на хороший прием.

В Пирее в 346 г. до н. э. был поставлен мраморный столб с декретом афинского народного собрания. В верхней его части были высечены фигуры, изображавшие боспорских царей — Спартока II, Перисада I и некоего Аполлония. Декрет прославлял этих недавно вступивших на престол ахонтов за то, что они хорошо относятся к Афинам, и предоставлял им наибольшие преимущества в торговле с Босфором. Боспорские правители были торжественно увенчаны золотыми венками во время главных афинских церемоний — празднования Великих Панафиней.

...Они поднимались по священной дороге в обитель Афины на бедесой скале, вступали под мраморную сень Пропилеев, обходили Парфенон, рассматривая его фризы, участвовали в праздничной процессии. Вместе с всадниками, вместе с победителями в состязаниях, вместе с музыкантами, юношами, несшими богине медовые пироги и гидрии с вином, вместе с девушками в венках, вместе с жертвенными быками они шли за несомой на руках небольшой триерой, на мачте которой развевались вышитые драгоценные одежды богини.

Может быть, войдя в храм на восходе солнца, они видели, как от первых лучей загорается золото и слоновая кость на огромной статуе. Может быть, они видели, как бросали пищу священному змею в Эрехтейоне, и слушали рассказы о том, как во время нашествия персов страж Акрополя не дотронулся до принесенной ему еды, а вместе с Афиной покинул свой город...

Вернувшись в провинциальный Пантиканей, архонты брались за возведение новых храмов, начинали заказывать и скупать скульптуры, будучи полны зависти к хиремющему и слабеющему городу, чьей славы и духовной мощи — они понимали — Боспору не достичь никогда.

...К морю сбегают дома, теснясь у набережной. Одноэтажные или двухэтажные постройки, черепичные крыши, белые стены, ярко-зеленые пятна листвы,— так выглядел Пантиканей со стороны спокойной синей бухты. И над всем этим — гора с дворцами царей, храмами и общественными зданиями...

Средневековье не пощадило античности. Пантиканей был разрушен полностью. Только гора сохранила имя самого яркого персонажа боспорской истории — Митридата.

Погибли и Афины — христианский император в V в. н. э. приказал снести все языческие храмы. Статуя Афины была увезена в Константинополь, где в X в. исчезла. Парфенон был перестроен под храм святой Софии. При турках в Эрехтейоне устроили гарем, а в Парфеноне — мечеть, потом склад пороха. В него попала бомба, и склад взорвался.

Раскопки в Пантикее дали некоторый материал для восстановления этой «главной» реликвии античности в Афинах, с которыми Боспор был так тесно связан. Была, например, найдена чаша с росписью, на которой довольно точно изображалась центральная группа западного фронтона Парфенона.

Мы воссоздаем древний мир по немногим остаткам. Почти ничего не сохранилось от монументальной живописи в самой Греции. Но, к счастью, она была в древнем Боспоре, и там ее уберегли от времени гробницы.

Вокруг Пантикея и близлежащих городов, в том числе и на противоположном берегу пролива, много курганов. Обычно внутри кургана находится каменный склеп. Наиболее богатые перекрыты сводами из белого камня. Самый знаменитый из курганов со сводчатыми склепами — Царский курган близ Керчи. Вероятно, он действительно принадлежал одному из боспорских царей IV в. до н. э. Курган был ограблен, от погребения ничего не сохранилось, но зато, пройдя длинный коридор, можно увидеть замечательный уступчатый свод из концентрических кругов белого камня, постепенно сужающихся кверху. Склепы далеких героических времен, эпохи гомеровских героев — Атрея и Клитемнестры — вспоминаются в боспорском Царском кургане.

Другой склеп, Большая Близница, тоже IV в. до н. э., расположенный на таманском берегу Боспора, известен великолепной цветной росписью: на камне, замыкавшем свод гробницы, нарисована голова Деметры. Здесь была похоронена жрица Деметры, о чем говорят найденные вещи: золотые фигурки танцовщиц и золотые украшения, изображающие празднества в честь богини.

Деметру вообще очень чтили на Боспоре, процветание которого зависело от хлебной торговли и сельского хозяйства. Один из склепов I в. н. э. близ Пантикея тоже был посвящен ей. В центре свода изображена Деметра, на одной из стен — колесница с четверкой лошадей.

дей. На колеснице стоит Плутон и держит маленькую Кору, дочь Деметры. Бог подземного царства Плутон увез Кору в мрачный подземный мир, и Коры с тех пор уходит туда каждый год. В те месяцы, когда уходит она в подземное царство, на землю спускается зимний холод и все умирает; когда она возвращается — на земле снова цветут цветы, зеленеют леса и поля. У входа в склеп — Гермес и нимфа Калипсо — они сопровождали души в загробное царство. Вокруг них — цветы, птицы, гирлянды виноградных листьев — буйный мир южной природы.

Заглянем в склеп I в. н. э., где был погребен некто по имени Анфестерий. На стенах изображена войлочная юрта, вокруг нее всадники в костюмах варваров-кочевников с копьями, нагайками. Около них в кресле сидит женщина, очевидно сарматская богиня. Может быть, Анфестерий был боспорским воином, который со своим отрядом совершил много походов по степям Крыма. А может быть, он был сарматом, который осел на Боспоре, превратился в горожанина, но сохранил воспоминания о прежней жизни.

Склеп II в. до н. э. возле Керчи назван «Склепом пигмеев». На стенах его пигмеи сражаются с журавлями — частый сюжет в греческом искусстве.

Один из погребенных близ Пантикея был, вероятно, страстным любителем гимнастики. В его склепе стены расписаны изображениями спортивных принадлежностей, венков, которыми награждали победителей в соревнованиях.

Склеп II в. н. э. с очень хорошо сохранившейся росписью украшен сценой сражения воинов Боспора с варварами, которые со всех сторон наседали на их государство. Кочевники не только теснили боспорцев с периферии, но и, переселяясь в их города, тесно общаясь с ними, способствовали проникновению элементов варварской культуры в античную культуру и даже быт местного населения (греки начинали обучать детей езде верхом, носить одежду по моде, господствовавшей среди обитателей степей).

В склепах стояли богатые каменные или деревянные саркофаги, обычно с колоннадой по бокам и с двускатной крышей, иногда украшенные резной костью и пакладными золотыми пластинами. Богатый саркофаг III в. до н. э. из Анапы был украшен фигурами сражающихся

воинов и морских нимф, плывущих на чудовищах. Саркофаги иногда делали в виде греческого храма, например, таков великолепный мраморный саркофаг из Тамани III в. до н. э.

На боспорском саркофаге I в. н. э. изображен один из тех мастеров, которые покрывали стены склепов росписью. Картины эти не предназначались для обозрения — они сделаны на внутренней стенке. Художник сидит перед мольбертом и разогревает на жаровне восковые краски. На стенах в круглых рамках висят уже готовые портреты. Рядом с мастером ящик с красками.

В склепах и могилах находят то, что могло понадобиться покойнику в загробном мире, например стригили — специальные металлические скребки, которыми считали песок, налипавший на обильно смазанное маслом тело гимнаста. Греки чтили физическую культуру.

В Афинах во время Панафинейских торжеств устраивались спортивные игры и музыкальные соревнования. Победители получали в виде приза специальные амфоры, наполненные маслом. Стойкие двуручные чернолаковые вазы украшались изображением Афины и сценой состязания в том виде спорта, в котором победил владелец амфоры. Несколько таких ваз найдено и на Боспоре. Возможно, боспорцам время от времени удавалось побеждать в Афинах на общегреческих праздничных соревнованиях. Вероятно, подобные соревнования устраивались и в Пантике. Обнаружен список победителей в беге во время состязаний, проведенных в Горгиппии в честь Гермеса — бога торговли и путешествий. В списке фигурируют и два варварских имени — Скиф и Синд.

Боспорские склепы и могилы — неисчерпаемый источник интереснейших находок.

Близ Фанагории на Таманском полуострове в безымянной, но, несомненно, богатой могиле были найдены три глиняных фигурных сосуда. Один сосуд изображал сфинкса, другой — сирену, а третий — Афродиту. Сосуды были с большим искусством раскрашены.

Фигурные сосуды и простые терракотовые статуэтки часто находят при раскопках жилищ и общественных зданий. Терракотовые фигурки изображали и богов, и простых людей — детей и слуг, горожанок и воинов. В причерноморские города привозили замечательные таврские статуэтки — великолепные, высокохудожествен-

ные, тонко расписанные изделия из терракоты. Это были, как правило, изображения богатых женщин, скромных, изящных, тщательно одетых и причесанных, приветливых, миловидных, простых и грациозных.

Терракотовые статуэтки изготавливались и на месте. Мастерские по изготовлению терракотов были обнаружены в Херсонесе, Пантике и Фанагории.

Никто не может представить себе Древнюю Грецию без мраморной скульптуры. Знаменитый французский археолог и искусствовед С. Рейнак говорил, что в своем

Изображение квадриги на сиракузской монете

Серебро. V в. до н. э. Британский музей

Греки любили и чтили физическую культуру.

искусстве Египет выразил идею вечности, древняя Месопотамия — идею силы, Крит — идею движения и жизни. На долю Греции выпала красота. И в первую очередь красота человеческого тела, свободного гармоничного человека, и вместе с тем красота совершенной художественной формы, в которой все части взаимосвязаны, уравновешены, необходимы.

В одном из боспорских городов, Кепах, в 1950 г. была сделана находка, которая обогатила коллекции греческой скульптуры. Здесь археологи нашли мраморную головку куроша — юноши с характерной для древнейших статуй Греции загадочной улыбкой на лице. Вернувшись сюда через несколько лет и расчистив слой золистой земли, они обнаружили фундамент святилища II в. до н. э. Только самое основание его да куски мраморных украшений от крыши сохранились в культурном слое. В полу были ямы, кудасыпали пепел и остатки жертвенных приношений.

Все говорило о том, что святилище разрушено и полностью разграблено. Находки не выходили за рамки обыч-

ных — черепки, обломки мраморных скульптур, керамические статуэтки. Среди них была небольшая терракотовая фигурка рыбака в коротком плаще, который сидел в задумчивой позе, обхватив голову руками. Найдены были и формы, в которых терракоты оттискивали. Встречались мраморные капители колонн, бронзовые зеркала, замки. На многих вещах имелись изображения, связанные с культом богини Афродиты. Очевидно, ей и было посвящено это святилище. Но где сама красавица, пенорожденная Киприда, богиня любви и плодородия? Город Кепы, чье имя означает по-гречески «сады», был связан с этой богиней: существовал особый культ Афродиты Урании в Садах. Сады и парки, рощи и леса — ее любимые места.

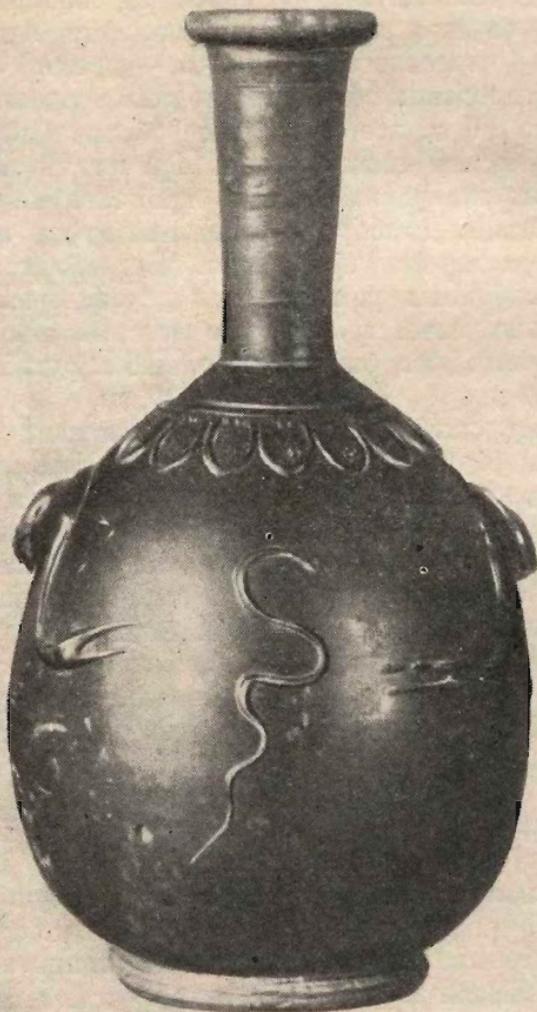
И в один ничем не примечательный день, похожий на сотни таких же, случайно на раскопе была найдена статуя, известная теперь всему миру,— Афродита Таманская.

В Греции очень рано возникло стремление создать скульптурный образ обнаженного мужского тела. Но женщины долго изображали задрапированными в одежды. Только в резких движениях и поворотах открывалась зрителю красота обнаженного женского тела, только сквозь ткань показывали его скульпторы V в. до н. э. Пракситель в IV в. до н. э. создал нагую, спокойно стоящую Афродиту Книдскую. Чтобы приобрести ее, царь Никомед предлагал жителям Книда погасить все их огромные долги — так она была прекрасна,— но те не согласились.

Афродита Таманская создана в более строгом стиле. Богиня оперлась одной ногой на выступ скалы, локоть опустила на согнутое колено, сильно подалась вперед. Ее тело, полное жизни, поражает особой плавностью линий и мягкостью очертаний, которые характерны для греческой скульптуры последних веков до нашей эры. Глядя на нее, как бы слышишь слова Софокла: «Много в природе дивных сил, но сильнее человека нет ничего».

* * *

Итак, греческие города на берегах Понта Евксинского были частью Греции и отражали ее общественный строй и культуру. В этих городах жили философы и историки, географы и ораторы, писатели и художники, и они внес-

Сосуд с изображениями змей и щапель.

I в. до н. э.

Произведения античного искусства отличает красота художественной формы

ли большой вклад в развитие греческой цивилизации. Но культура причерноморских греков имела свои особенности, их историческая судьба была иной. Боспорское царство и республика Афины, тесно связанные между собой, развивались не одинаково.

При царе Персиаде I (349—310 гг. до н. э.) Боспор достиг расцвета. Афины тем временем шли к упадку. Ношли, подкупающее весело смеясь над собой, над своими поклонами, слушая язвительные комедии Аристофана.

Эпоха классической Греции — время существования мелких городских общин — уходила в прошлое. Во второй половине IV в. все явственнее обозначались черты кризиса греческой цивилизации. Греческий мир потрясали классовые конфликты. Роды пропасть между бедностью и богатством. Демократические институты изживали себя. Полис разъедала коррупция. Безработица всыхивала среди свободных ремесленников, усилилось бродяжничество и наемничество. Нищало крестьянство, земля сосредоточивалась все больше и больше в руках немногих богачей.

В этих условиях все более выявлялась потребность в единении разрозненных городов и государств, в концентрации ресурсов. Политическое объединение греков оказалось связанным с грандиозными завоеваниями, с распространением греческой культуры на Восток.

Идею о мировом господстве впервые попытались претворить в жизнь персы в VI в. до н. э. Кир, царь из рода Ахеменидов, основал державу, которая распространилась от Нила до Инда. Его царство было последним звеном в цепи древних восточных деспотий и цивилизаций.

Он видел сон: на плечах царя Дария, сына Гистаспа, выросли огромные крылья. Тень одного крыла пала на Азию, тень другого загородила солнце в Европе. Кир создал «Рах Achaemenidica». Люди из разных стран, разных племен попали под деспотическую власть царей иранской династии, оказались в составе одного государства. Хорезмиец Даргман, сын Харшина, покинул свой родной Хорезм и поселился на другом конце ахеменидской империи на острове Элефантина на Ниле, у Асуана, где был царский гарнизон, состоявший из евреев под командованием вавилонского офицера. А эмигранты из Мильтета, родины черноморских колонистов, города, который тоже был завоеван персами, жили в Средней Азии и сохраняли там свои обычай и язык. В Бактрию при Дарии I были переселены насильственно жители города Барка, расположенного в Африке.

Ассирийские традиции военного дела и государственного управления, процветающая торговля, отлично нала-

женное почтовое дело и приниженность, раболепие подданных, деспотизм правителей, имеющих вездесущих осведомителей и шпионов, подобно богу Митре, небесному царю, который имел тысячу глаз и ушей и десятки тысяч соглядатаев,— таков был «Pax Achaemenidica».

Персидской империи не хватало Греции, ее Афин. Завоевать их требовала сама логика «империализма». Деспотии, где все в той или иной степени были рабами, противостояла кучка городов во главе с Афинами и обществом рабов и свободных рабовладельцев. И они столкнулись в V в. до н. э.: Дарий и Мильтиад на Марафоне, и отзвук этой битвы дошел до нас. Греки вспоминали, что они один народ, обычно на соревнованиях и священных праздниках в Дельфах или Олимпии. Но теперь спартанский царь повел свой отряд далеко на север от родного полиса и встретил Ксеркса в Фермопильском ущелье, чтобы сражаться за свободу — какой бы она ни была, «горькой или сладкой».

Мировая империя не удалась. Восточная деспотия создать ее не смогла. Персы высекали на скалах огромные фигуры своих царей, а у их ног — бесчисленные покоренные племена, представленные маленькими фигурками людей. Могучие владыки, суровые, державные, неподвижные лики, пышные одежды, знаки божественной власти. Продолжив мысль Рейнака, мы можем сказать, что древнеперсидское искусство воплотило идею деспотии, впрочем так же, как официальное искусство Египта и Месопотамии, как официальное искусство Древнего Востока вообще. Греки не стали бы так изображать своего вождя или царя: если герой столь велик, а его враги столь малы, то что за доблесть покорить их?

Крохотные свободные полисы Греции не попали в число рабов, покорно несущих дары к ногам ахеменидского колосса. Но пройдет полтораста лет — и сама Эллада разрастется в мирового гиганта, объединит Запад и Восток. Греция и Иран войдут в одну империю, и Средний и Передний Восток вступят в эпоху эллинизма.

Глава II

ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО ОТ НИЛА ДО ИНДА

В весенние дни 334 г. двадцатидвухлетний Александр стоял на берегу пролива и наблюдал, как переправляется его армия. Легендарные места, граница Европы и Азии, Запада и Востока. Когда-то сюда упала Гелла, сорвавшись со спины барашка с золотым руном, который нес ее к неведомым берегам. Это море пытался форсировать Ксеркс, но волны Геллеспонта снесли огромный мост, сооруженный персидскими инженерами. Ксеркс приказал бичевать море — что ж, вполне в духе восточного деспота! И теперь Александр, блестательный молодой царь из северной провинции Греции, шел на Восток, чтобы не было больше границы между двумя мирами, чтобы отныне всюду был эллинский Запад.

Десять лет Александровых войн, определивших во многом дальнейший ход мировой истории, не оставили следов, доступных ученым-археологам. Археология уступила место историческим источникам, древним авторам, сумевшим описать этот молниеносный скачок к славе и власти.

Первая встреча войск Александра с персидскими армиями произошла на берегах реки Граник. Александр впервые встречается с персидскими армиями. Он получает удар мечом, но остается цел, под ним убивают коня, но он выигрывает бой. И солнце его побед всходит над просторами Востока. Затем Исса. Дарий III бежит. Обозы персов попадают в руки Александра. Затем осада и штурм Тира. Мильт — родина большинства греческих колоний на Черном море — за попытку сопротивления отдается на разграбление солдатам. Покорён Египет. Царь сам чертит план будущей Александрии, за которой потянутся целой вереницей Александрии, бесчисленные Селевкии, Антиохии, Евкратидеи... Жрецы начинают называть его сыном Зевса-Амона и предсказывают, что он станет повелителем Вселенной. Александр, кажется, сам готов поверить

в это. И, наконец, Гавгамелы — шлем македонского полководца, сверкающий как серебро, появляется на поле боя то тут, то там. Буцефал в мыле и пене, царский меч, подарок кипрского царя, разит врагов. Персы проигрывают бой, а сам Дарий чудом спасается, ускакав на коне одного из своих воинов, бросив все. Персидские вельможи заявляют Александру о своей верности и лояльности. Вавилон, Сузы, Персида. И вот Персеполь. Десять тысяч мулов вывозят награбленные сокровища из его кладовых. Александр на троне Ахеменидов. Но он сам поджигает факелом дворец, еще не сняв победного венка с головы. Затем Мидия и Экбатаны. Впереди Парфия и Бактрия — далекие земли Средней Азии, вставшие перед взором обезумевшего от славы, власти, богатств, почестей, удач, поклонения и лести молодого полководца.

Сатрап Бактрии Бесс захватывает Дария и решает заставить его отречься от престола в свою пользу. Александр идет по пятам отступающего Бесса через среднеазиатские пустыни. Царь делит со своими верными солдатами все тяготы похода. Он не пьет воду, потому что на всех ее не хватает, а привилегии ему не нужны. Само имя Александра наводит ужас на персидских воинов. Македонцы находят оставленный лагерь Бесса: покинутые женщины, плачущие брошенные дети, кое-где забытые золотые украшения, боевые колесницы... и смертельно раненный Дарий.

Бесславно закончил свой путь последний ахеменидский царь. А ему полагалось умереть так, чтобы, приняв его последний вздох, раболепные жрецы неслышно вышли из роскошной дворцовой опочивальни и, торжественно проплывав в храмовые покои, благоговейно погасили «личный» священный огонь царя; чтобы, узнав о кончине повелителя, его семья предалась безумствам горя: дети и жены изрезали себе лицо, исхлестали свое тело, а некоторые, быть может, покончили самоубийством.

...Такую же жалкую смерть примет спустя более тысячи лет и тоже в Средней Азии последний царь из династии Сасанидов — династии, пытавшейся воскресить мощь великой державы. Потерпев поражение, он бежал без армии и оружия, но с прислугой, музыкантами, наложницами и танцовщицами в Мерв. Тамошний правитель, еще недавно льстивый сатрап, решил в угоду арабам убить царя. Царь, узнав об этом, ушел из города ночью пешком и,

выбившись из сил, забрел на какую-то мельницу, чтобы отдохнуть. Мельник, прельстившись богатой одеждой путника, убил его, раздел, а труп бросил в канал. Там он зацепился за корни и пролежал в воде, пока епископ Мерва не узнал в нем персидского царя и не похоронил его...

Гибель Дария III — последнего Ахеменида — глубоко потрясла Александра. И не потому, что царя предали вассалы, и не потому, что он умер насильственной смертью. Это вряд ли могло кого-нибудь поразить. Артаксеркс III уничтожил своих родственников и всех своих братьев (братьев у него было 115 человек), хотя в их жилах текла священная кровь Ахеменидов. Его самого вскоре отравил собственный врач по тайному наущению евнуха. Следующего царя с его сыновьями тоже отравили по приказу того же евнуха, который, войдя во вкус, захотел отравить и нового царя, Дария III, но тот заставил евнуха самого выпить чашу с ядом...

Дело было в том, что оказалась втотанной в грязь сarma идея империи. Раньше цари умирали пусть от яда, но парадно и пышно, а здесь солдаты подобрали израненное тело в рваной одежде, брошенное на поломанную повозку.

Александр сам покрыл мертвого Дария пурпурным плащом, велел отвезти его тело в Персеполь и пышно похоронил. Теперь он, Александр, стал преемником Дария и персидским царем.

...Потом он пошел к Каспию, в Гирканию, и 15 дней провел в ее главном городе. Здесь сообщили ему, что Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя Артаксерком и утверждает, будто он царь Азии. У него собрались персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев, и он поджидает прихода союзников-скифов. Стало известно также, что в Ариене бывший сатрап ее Сатибарзан вооружил ариев и собирается идти к Бессу на соединение для общей борьбы против македонцев. Среднеазиатская кампания Александра приобрела затяжной характер. Потребовался удар по Сатибарзану, чтобы обезвредить его. К тому же в завоеванных провинциях зрели заговоры, с которыми пришлось справиться. Наконец, развязав руки, Александр пошел в Бактрию, на Бесса. Тут он столкнулся с огромными трудностями. В горах его войско увязало в снегу, вновь взбунтовались армии Сатибарзана. Но вот он у Бактр. С ходу берет столицу. Бесс отступает за Окс (Амударью), при нем пока еще верные ему конницы со-

гдийцев во главе со Спитаменом и Оксиартом. На мешках, сплитых из палаток и шкур, воины Александра переправляются через бурную реку. Вскоре прибывают послы от Спитамена сказать, что, если Александр пошлет хоть небольшой отряд, согдийцы выдадут ему Бесса. Действительно, Спитамен впускает македонцев в свой лагерь, и те захватывают Бесса.

Александр велит после бичевания увезти Бесса в Бактрии и предать мучительной казни.

Затем македонцы берут Мараканду, главный город Согда, грабят окрестные селения и идут к Сырдарье, думая, что это Танаис, река, впадавшая в Меотиду, граница между Европой и Азией. Им кажется, что они подошли к ней с востока, обойдя, таким образом, всю Азию. За этой рекой простирались степи саков и скифов-кочевников. Но туда идти было еще рано, столкновение с ними не сулило легкой победы. В свое время Ольвия и скифы отогнали полководца Зопириона, который захотел, хотя и без санкции Александра, подчинить их.

Вскоре варвары подняли настоящее восстание и перебили все македонские гарнизоны. Они собирались в нескольких крупных городах: Газе, Кирополе и др. Их поддерживали согдийцы Спитамена. За два дня Александр взял пять мятежных городов и подошел к городу Кира, мужчины были перебиты, женщины и детей поделили солдаты. Во время осады он был тяжело ранен, но город все-таки захватил.

Из глубин степей накатывались все новые и новые волны «азиатских скифов». С противоположного берега «Танаиса» (Сырдарьи) они пускали в греков стрелы и всячески задирали их, крича, что с ними Александр сражаться не посмеет. Нужно было наказать их, нужно было поддержать свой престиж. Перед переправой греки совершили жертвоприношения, но знамения оказались неблагоприятными. Боги отвернулись от своего фаворита. Когда-то Дарий I, отец Ксеркса, тот самый, который так неудачно пытался завоевать Грецию, совершил поход на «скифов» и был там разбит. Неужели и он, Александр, станет в глазах этих кочевников таким же посмешищем? Новые жертвоприношения, и снова прорицатель предсказывает неудачу. Но меха для переправы были готовы, войско ждало приказаний, и Александр решился. «Скифы» отошли, и при звуках труб все греческое войско свободно высадилось на

вражеский берег. Вдруг «скифы» окружили передовой отряд, поразили многих и скрылись на своих быстрых лошадях. Новая стычка, и «скифы» после яростного боя снова отошли. Однако они были неуязвимы среди своих просторов, на своих малорослых, выносливых и стремительных конях, со своей особой тактикой — налететь, разбить и унести в даль, чтобы потом снова напасть с другой стороны так же неожиданно.

А Спитамен тем временем осадил греческие войска в Мараканде. Положение становилось угрожающим. Согдийцы воевали во взаимодействии со «скифами». Это еще больше волновало Александра. Большая часть его войска погибла, попав в Согдиане в засаду, устроенную «скифами». Пришлось Александру самому наводить порядок и отвоевывать Маргиану. «Скифы» то нападали на греков, то слали их царю льстивых послов. Одно посольство, поднеся дары и заявив о своем согласии во всем слушаться Александра, сообщило, что «скифский царь» готов выдать за греческого царя свою дочь. Если Александр прельстится красотой «скифской» принцессы, то за его вождей и полководцев «скифы» отдадут дочерей из знатнейших семей. Тогда же явился из Хорезма к Александру царь Фарасман. Он сообщил, что близ его страны живут амазонки и колхи, а за ними племена, которые кочуют у Понта Евксинского. Фарасман предложил свое содействие: может быть, Александр дойдет с его помощью до Боспора. Круг замыкался. Мир, казалось, вот-вот будет обойден Александром.

Царь от невест отказался и на Понт не пошел, он решил сначала покорить Индию, потом вернуться в Грецию и оттуда через Геллеспонт на кораблях войти в Понт Евксинский. Возможно, тогда ему и понадобится помочь хорезмийцев, но не сейчас.

А Спитамен и некоторые племена «скифов» продолжали устраивать вылазки и засады. Они выводили царя из себя. Средняя Азия оставалась самой беспокойной из всех, подчинившихся силе его оружия земель, несмотря на посольства «скифов», несмотря на готовность Фарасмана к сотрудничеству, несмотря на смену правителей в Бактрии. И даже когда «скифы» и массагеты, что-то не поделив со Спитаменом, отрезали ему голову и послали ее Александру, он не почувствовал облегчения. Коварный и чуждый народ повсюду окружал его в этой стране.

Большой согдийский отряд засел в горах. Когда Александр подошел к его убежищу, согдийцы с неприступной вышиной «с хохотом на варварский манер посоветовали царю поискать крылатых воинов»¹. Вабешенный Александр обещал 12 талантов тому, кто первым заберется на скалу. 300 смельчаков взялись за это дело. Железные костили и колья вбивали в камень и лед и карабкались, привязав к ним веревки. За ночь отряд взобрался на гору, а утром глашатаи из лагеря греков стали кричать согдийцам, чтобы те сдавались, так как царь нашел крылатых воинов, и они уже на вершине горы. И огромное войско Оксиарта дрогнуло и сдалось горстке храбрецов. То была удача, но такая удача, которая второй раз не повторится. Александр понимал, что греки долго не выдержат, согдийцы истощат их силы. И царь пошел на мировую с согдийской знатью. Взятая в плен после штурма скалы дочь Оксиарта, красавица Роксаны, стала его женой.

Дела в Бактрии и Согде, казалось, были закончены. Был построен город в дальних пределах завоеванных земель — Александрия Эсхата, что значит Крайняя. Меньше десяти лет потребовалось Александру, чтобы покорить всю Ахеменидскую Персию. Иран и Греция наконец оказались в единой системе, под одной рукой. Но оставалась еще Индия.

За Индом, к которому Александр подошел в 327 г. до н. э., он увидел войско царя Пора с боевыми колесницами и слонами. Александр переправился через реку. Пор бросил против него свою конницу и часть слонов. Сам он, огромный, толстый, сидел на слоне. Пока индийцы держались, слон Пора яростно отбивался, но когда почувствовал, что царь пал духом и весь изранен, опустился на колени и стал хоботом вынимать из него стрелы. После восьмиачасового боя греки победили. Сам Пор попал в плен. Александр сделал его сатрапом своей новой, последней и самой далекой провинции.

Но за Индийским царством Пора лежала новая страна. Земля казалась бесконечной. И тогда Александр созвал македонцев, вышел к ним и звонким твердым голосом произнес такие слова: «Целью тягот и трудов для благородного человека являются, по-моему, опять тяготы и труды, если ими осуществляются дела прекрасные. Если же кто-либо жаждет услышать, где будет конец нашей войне, то пусть знает, что нам осталось недалеко пройти до реки Ган-

га и до Восточного моря. Оно же, утверждаю я, соединяется с Гирканским морем; Великое море обходит ведь всю землю. Я покажу македонцам и нашим союзникам Индийский залив, сливающийся с Персидским, и Гирканское море, сливающееся с Индийским. От Персидского залива мы совершим на наших кораблях круговое путешествие в Ливию вплоть до Геркулесовых Столбов. Таким образом, вся Ливия от самых Столбов и вся Азия станут нашими. Границы нашего государства будут границы, которые бог назначил земле»².

Он призывал сделать последнее усилие, обещал щедрые награды и скорое возвращение на родину. Но усталые солдаты и офицеры отвечали угрюмо, а то и дерзко, и идти дальше не хотели. Снова собрал он воинов и старейшин, совершил жертвоприношения, снова возвзвал к их честолюбию, алчности, греческому патриотизму. Но наконец, видя апатию и недовольство армии, отдал приказ повернуть обратно.

Теперь нужно было заняться упорядочением дел в огромной империи. Обратный путь лежал через Иран. В Персеполе Александр пожалел, что спалил дворец Ахеменидов. В Пасаргадах он страшно разгневался, узнав, что могила Кира осквернена и труп великого царя выкинут. Александр считал себя преемником этих царей, носил персидские царские одежды.

В Сузах был поставлен грандиозный спектакль, призванный показать единение Востока и Запада под эгидой нового божественного всемирного царя. Он, женатый на Роксане, согласно восточным обычаям, стал многоженцем и снова женился — теперь на дочери Дария и дочери одного иранского вождя. Вместе с ним в брак с молодыми иранскими и согдийскими аристократками вступили восемьдесят его друзей и полководцев. Их примеру последовало более десяти тысяч простых воинов.

Наконец — Экбатаны. Здесь смертельно заболел Гефестион — верный помощник Александра, его спутник. Когда Александр увидел его мертвым, он упал на труп друга и пролежал так почти целый день. Он обрезал над трупом свои волосы. Он велел даже, говорят, казнить врача, лечившего Гефестиона, сровнял с землей храм бога врачевания Асклепия в Экбатанах. Он безумствовал от горя, и Арриан, историк его деяний, осуждает его и даже не верит этим фактам: так могли вести себя Ксеркс, Дарий,

но не ученик Аристотеля, воспитанный на трагедиях Софокла и Эсхила.

«В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй», — учил когда-то греческий поэт³. Александр утратил чувство меры, ощущение реальности. Он, видевший кровь, лившуюся потоками во время битв, он, подвергавший медленной и мучительной казни сатрапов и восставших, он, сын Филиппа, ставший персидским царем, божественный сын Амона, сжигавший дворцы и разрушавший города, он теперь потерял себя от горя, не будучи в силах пережить личную потерю.

Но, наконец, Александр в своей столице — в Вавилоне. Все здесь напоминает древние времена — и огонь на башне бога Белы, восстановленный по приказу Александра, и сады, когда-то принадлежавшие Семирамиде. На улицах толпятся люди из самых разных стран: персы и семиты, греки и бактрийцы, египтяне и армяне, а воины Александра, уставшие от бесконечных походов, веселятся в кабаках, проматывают награбленное.

Александр задумывает новые походы — на скифов, на Рим и Карфаген, морские экспедиции к берегам Африки и Аравии, в Каспийское море, в Океан, за Геркулесовы Столбы. Только халдейские жрецы предсказывают недоброе. Но Александр их не слушает. Смерть Гефестиона, кажется, забыта им. Однако что-то тревожит царя: дурные предзнаменования, подозрения. Он ищет заговорщиков, боится Вавилона, боится своего роскошного дворца. Устраивает гадания, очищения, приносит жертвы. Гераклид, он забывает эллинских богов, становится суеверным. Тревогу заглушает кутежами. И однажды, пропьянистував весь вечер, заболевает тяжелой, смертельной лихорадкой. Трагически горестный конец великой драмы. У царя помутился рассудок, и он умер, страдая от жажды, которую вино не могло утолить. Последние часы жизни он все еще думал о своей всемирной монархии и пытался вникнуть в дела армии и флота. Потом говорили, что Александра отравили, но точно никто этого не знал.

Александр прожил 32 года и 8 месяцев, процарствовав из них 12 лет и 8 месяцев. Он был красивым и деятельным, стремительным и ловким, имел характер мужественный, любил опасности и усердно почитал богов, пренебрегал физическими усилами и обладал непасытной жаждой славы. Но сколько за свою короткую жизнь,

и особенно за ее последнее десятилетие, он причинил народам горя и слез; сколько оставил развалин, особенно в Согде, Бактрии; сколько вытоптали его воины полей, разрушили плотин и городов, согнали с насиженных мест мирных людей, увезли ценностей...

После смерти Александра случилось то, что должно было случиться. Мировая империя распалась. В разных ее частях развернулась борьба за власть, в которой использовалось все: подкупы, измены, политические убийства.

Пал от кинжала убийц вместе со своей матерью Роксаной родившийся уже после смерти Александра его младший сын. Старший сын Геракл, который тихо жил в Пергаме, был привезен в Грецию, провозглашен там царем, а затем задушен.

Царская власть, ставшая объектом грубого захвата (подчас людьми, не происходившими из царского рода), перешла в Египте в руки Птолемея, в Македонии — Антигона, в Вавилоне — Селевка, в Понте — Митридата, в Пергаме — Атала.

Наступили времена, непохожие на классические века Эллады. Пышно расцвела рационалистическая наука. Результатом ее развития явились постройка Фаросского маяка в Александрии, огромного корабля Птолемея Филопатра, поразившего воображение современников. И одновременно широкое распространение получили мистерии и тайные культы, родились новые боги, которые совмещали в себе черты и египетских звероподобных божеств, и эллинских небожителей, и персидских, и индийских, и среднеазиатских, и ассирийских, и других кумиров. Власть человека над силами природы возросла, но он оказался жалким и беспомощным в столкновении с таинственными силами, вызывавшими кризисы, грандиозные войны и гибель целых городов. Люди пытались что-то сделать, взять эти силы под контроль, зародились даже некоторые идеи международного права и «общественного договора». Но все напрасно. Архимед открыл бесконечно малые величины и способы их анализа, взялся перевернуть весь мир, а люди в своем собственном общежитии потеряли точку опоры, и жалкие, беспомощные метались по всему свету. Анатомы заложили основы своей науки, стала развиваться медицина, а Деметрий Полеаркт при осаде Родса применил грандиозные военные машины —

новинку техники избиения и уничтожения людей — технику смерти. Космополитическая элита грабила и разоряла храмы и библиотеки, захватывала троны и вывозила статуи в свои дворцы.

Когда-то спартанский царь, перешедший на сторону Ксеркса, гордо говорил персидскому царю о своих соотечественниках: «Хотя они и свободны, по не полностью свободны, их господин — закон, которого они боятся гораздо сильнее, чем твой народ тебя». Теперь не закон правит, а элита, оставившая закон в удел простым людям, рядовым жителям своих деспотических монархий.

Монета Александра Македонского с изображением Геракла и Александра в львиных шкурах

Серебро. IV в. до н. э. Государственный исторический музей

И хотя философская и политическая мысль вырабатывает новые идеи братства людей, а судебная практика — новые определения и принципы, жизнь оказывается до такой степени перенасыщенной несправедливостью и злом, что люди уходят в частную жизнь, начинает процветать индивидуализм. Раньше человек чувствовал себя членом полиса, был, как сказал Аристотель, «общественным животным». Теперь, ощущая мертвящее социальное одиночество, он ищет выхода в таинствах мистических действий, стремится стать членом тайной ложи или религиозного клуба, спортивных, игорных, артистических и других объединений — любых, но только не политических.

Возникают города-гиганты, среди которых первое место занимает египетская Александрия — первая Александрия

македонского завоевателя, куда в конце концов был перенесен его прах. Здесь огромный Музей, где работают учёные и литераторы, живя на содержании у царей, подобно «откормленным курам в курятнике», и колоссальная библиотека, для которой на пристанях разгружают тюки книг. Идея Аристотеля о необходимости совместной работы учёных, о том, что новые знания и идеи рождаются «на стыке наук», получает в этих учреждениях реальное организационное воплощение под руководством «жреца муз». Павина литературы растет. Некийalexандрийский филолог Диодор пишет три тысячи пятьсот свитков комментариев. Эрудиция мощной прослойки высокообразованной alexандрийской интеллигенции — и рядом поверхностные знания, почерпнутые из популярных книг и второсортных компиляций. Этические и мифологические поэмы, «Всеобщие истории» и собрание всякой всячины, вплоть до энциклопедий скандальной хроники. Все это совмещалось с низким варварством толпы, грубой и жестокой по своим вкусам, жаждавшей зрелищ и искающей подачек.

Стало казаться, что можно найти истинного человека только среди тех, кто близок к природе, среди пастушек и крестьян со свободной и чистой душой. Варвары-скифы представлялись идеалом, потому что принадлежали «неиспорченному» цивилизацией обществу. И вместе с тем аристократия и богачи презирали простой народ и труд.

Греки подчинили своему влиянию, казалось, большую часть мира, а в самой Греции рос страх перед перенаселенностью и проводились попытки планировать семью, ограничивать рождаемость, практиковалось убийство детей. В рудниках надрывались тысячи рабов, ползком, с лампой на голове пробивали они ходы в кварце, добывая золото, дети оттаскивали куски породы, старики долбили ее, женщины крутили жернова, размельчая ее, — и все в кандалах, под охраной, без отдыха, приветствуя наступление смерти.

Александру посчастливилось не увидеть плодов своих дел. Когда-то в начале своего пути он сказал, встретившись с Диогеном: «Я бы хотел быть Диогеном, если бы не был Александром». Александру не пришлось сказать потом: «Лучше бы я стал Диогеном». Кто знает, может быть, рыдая над телом Гефестиона или терзаемый раскаянием после роковой ссоры с Клитом, он думал так,

вспоминая ясные и безмятежные глаза нищего философа, которому когда-то загородил солнце.

Позднее, в том жестоком мире, который он оставил людям, и еще позднее, когда Рим создал свою державу, его жизнь стала привлекать внимание морализующих философов, историков и писателей. Какой пример жизненного успеха и одновременно нравственного падения!

Александр верил, что он был сыном бога, и велел почитать себя как бога из политических соображений. Но до нас дошел короткий, спокойный, уничтожающе иронический ответ лакедемонян на притязания великого царя: «Пусть Александр будет богом, если он этого хочет».

ПОНТ. БОСПОР.
РИМ. ПАРФИЯ

Одним из эллинистических государств был Понт, расположенный в Малой Азии на южном берегу Черного моря. Судьба Понта скрестилась с судьбой другого царства на Евксинском море — Боспора.

Крымский полуостров в конце II в. до н. э. наводнили варвары-скифы. И Херсонес, и Боспор испытывали их давление. Они боролись против нашествия варваров, но постепенно теряли силы, а царь Понта — агрессивный и энергичный Митридат VI Евпатор — зорко следил за событиями. Выбрав удобный момент, он добился того, что обессиленный борьбой Пантиканей решил передать ему верховную власть. На это пошел боспорский царь Перисад, но его акция вызвала в самом Боспоре возмущение. Восстали бедняки и рабы. Предводителем они провозгласили Савмака, который объявил себя царем и даже выбил монету со своим портретом и изображением солнца. Тогда Митридат послал в Пантиканей крупный карательный отряд под предводительством Диофанта. Диофант принудил Боспор к покорности и двинулся на Херсонес.

О походе Диофанта рассказывает стела с надписью, найденная еще в прошлом веке в Херсонесе. Мы узнаем из нее, что Херсонес, осаждаемый варварами-скифами, обратился за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору. Войска Диофанта отогнали варваров, но Херсонес превратили в вассала Понта.

Вскоре Митридат Евпатор провозгласил себя царем Митридатом I на боспорском престоле, подчинил Ольвию и многие другие города западного берега Понта Евксинского. Он мечтал о том, чтобы сделать Черное море своим «внутренним» морем, подобно тому как Рим делал своим «внутренним» морем Средиземное. Планы Митридата, казалось, близились к осуществлению. Но у него был мощ-

ный враг — Рим, в борьбу с которым царь втянул греческие колонии Причерноморья.

Причерноморье было для Понта неисчерпаемым источником продовольствия. Почти полмиллиона пудов хлеба в качестве дани получал из Боспора Митридат. К этому надо добавить рыбу, кожи, скот. Не менее важными для понтийского царя были огромные людские ресурсы Северного Причерноморья. И Митридат широко использовал их. Римляне в стычках с понтийскими войсками встре-

Монета Митридата VI

Серебро. III в. до н. э. Парижский кабинет медалей

Монета Митридата VI Евпатора

Серебро. II—I в. до н. э. Парижский кабинет медалей

чались и со скифами, и с меотами, и с фракийцами, и с сарматами. Митридат Евпатор все активнее заигрывал с варварской знатью.

Он стремился походить на Александра. Тот, потомок Ахилла и Геракла, завоевал Иран, стал преемником азиатских царей. Митридат возвел свой род одновременно к Киру и Дарию — по отцу и к Александру — по матери. Он надеялся, что это поможет ему сделаться мировым владыкой. Митридат ввел новый тип монеты со своим портретом. Если его предшественников изображали на монетах с характерным для той эпохи жестким реализмом — властными, волевыми, но некрасивыми, то Митридат предстал перед современниками в образе юного героя, с поднятыми к небу очами, с длинными кудрями.

Македонец Александр рядился в персидские царские одежды, иранец Митридат надел греческие. Александр устраивал состязания певцов и музыкантов. Митридат собирал греческие драгоценности, кольца и ткани и тоже устраивал соревнования во время пиров: кто больше съест, кто лучше споет и развеселит анекдотами пьяную толпу.

Желая быть похожим на Александра, Митридат оставался все же «восточным султаном»¹, эллинизированным восточным despотом, подозрительным и мстительным. Энергичный, сильный, суеверный до абсурда, беспощадный, он погубил мать, брата, сестру, которая была по древнему обычью его женой, заготовил смертные приговоры всем самым преданным слугам — на всякий случай.

До Александра Митридату не было суждено добрасти. Его хватило только на ряд смелых завоеваний — в Пергаме, в Греции, в Крыму, на Кавказе. Еще его хватило на долгую, упорную борьбу с Римом...

Эта война Митридата началась в 89 г. до н. э. Митридат достиг значительных успехов, пользуясь ослаблением Рима из-за гражданских войн. Он покорил всю Малую Азию и частично Грецию. Фракийцы в балканских степях стали его союзниками. В руки Митридата попал римский полководец и дипломат престарелый Маний Аквилий. Его водили из города в город по всей Малой Азии привязанным к хвосту лошади, и он должен был выкрикивать свое имя, иначе его нещадно били. Поиздевавшись над римским сановником, Митридат велел привести его к себе во дворец и залить в горло расплавленное золото. В 88 г. Митридат издал приказ перебить всех римлян и италиков в малоазийских городах побережья и на архипелаге. Эллины, изнывавшие под ярмом Рима, выполнили это, и чувство общей вины связало их с Митридатом, хотя его власть была для них и тяжелой, и уничижительной.

Но уже в 87 г. Сулла — трезвый, расчетливый, твердый диктатор, победитель в «союзнической войне», взявший штурмом Рим, любимец своих легионов — высадился в Западной Греции, подошел к Афинам, с боем взял их и разграбил, потом захватил Пирей и разрушил его укрепления и верфи. Вскоре Сулла разбил войско Митридата при Херонее в Беотии. Понт был вынужден заклю-

чить мир в 85 г. до н. э., отказаться от всех территорий, захваченных его войсками на западе, и уплатить громадную контрибуцию.

Воспользовавшийся неудачей Понта, Боспор решил освободиться от власти Митридата. Но Митридат, заключив мир с Суллой, послал войска в Крым, вернул себе покорность боспорских городов и посадил там наместником своего сына Махара. Затем он поспешил заручиться поддержкой армянского царя и решил снова помериться силами с Римом.

В 74 г. до н. э. вспыхнула новая война с Римом. Мало кто верил в успех понтийского царя, даже его сын Махар, сидевший в Пантике. Он тайно переправил римлянам транспорт с продовольствием, который предназначался для войск отца. Этим Махар думал задобрить Рим и стать его союзником, сохранив за собой Боспор. Опасения Махара не замедлили подтвердиться. Лукулл, а потом Помпей, получившие чрезвычайные полномочия, вскоре разбили войска Митридата, который бежал из Понта на Кавказ, а оттуда переправился к Боспору. При приближении отца Махар ушел в Херсонес, но здесь, боясь его гнева, покончил с собой.

Помпей пытался преследовать Митридата, но не мог преодолеть Кавказские горы, натолкнувшись на сопротивление местных племен, настроенных против римских захватчиков. Он повернулся обратно и блокировал Боспор с моря. А Митридат, засев в Боспоре, лихорадочно сколачивал новую антиримскую коалицию, на этот раз среди варварских племен сарматской и скифской степи. Но это все меньше и меньше нравилось рабовладельцам и городской знати Боспора, чьи торговые дела из-за войны и блокады находились в плачевном состоянии. В 63 г. до н. э. в крупном боспорском городе Фанагории вспыхнуло восстание против понтийского царя. Восставшие осадили и подожгли акрополь, где находились войска Митридата, его дочь и сыновья. Дочь Митридата Клеопатра сумела бежать из мятежного города. Сыновья же сдались на милость восставших.

К восставшей Фанагории примкнули тотчас же Нимфей, Феодосия и Херсонес. А в самом Пантике вспыхнул заговор, организованный вторым сыном Митридата — Фарнаком. Да, этот понтийский царь положительно был несчастлив в своих сыновьях! Одинокий, беспомощный

старик оказался далеко от Понта, в чужой ему боспорской столице, о которой столько лет мечтал, которую подчинил себе, отстоял, удержал и которую теперь ему нужно было покинуть, а вместе с ней расстаться и с жизнью. Затравленный, как дикий волк, окруженный врагами со всех сторон, запертый в своем дворце на горе, господствующей над Пантикеем, Митридат закололся. Он не хотел попасть в плен, не хотел, чтобы его тащили за колесницей триумфатора во время торжественного въезда победителя в Рим, в город, борьбе с которым Митридат посвятил всю свою жизнь. Так умер один из самых опасных, один из самых последовательных врагов Рима. Гора над Пантикеем (у современной Керчи) получила имя Митридат.

И когда Лукулл и Помпей возвратились с триумфом в Рим, за ними везли не самого Митридата, закованного в цепи, а его изображения, на которых римская чернь увидала молодого красавца-героя на колеснице — неудачливого подражателя Александру.

Фарнаку, надеявшемуся предательством по отношению к отцу купить милость Рима, римляне оставили Боспор и Херсонес и объявили его «другом и союзником» Рима. Но этому «другу и союзнику» нужны были все владения отца. Дождавшись, когда внимание Рима было отвлечено другими заботами, он вторгся через Кавказ в Малую Азию и отвоевал части владений Митридата Евпатора. Но как только достигли Рима вести о победах Фарнака, быстрым маршем из Египта пришли войска, которыми командовал Гай Юлий Цезарь. Ему понадобилась только одна битва, у города Зелы в Малой Азии в 47 г. («пришел, увидел, победил»), чтобы прогнать Фарнака и навсегда отбить охоту у него и у его преемников сражаться против Рима.

Две блестящие победы одержал Рим на Востоке — Помпей покончил с Митридатом, а Цезарь — с Фарнаком. Но между победой Помпея и победой Цезаря легло одно из самых тяжелых поражений, которые испытывали римляне — поражение войск Красса у небольшого селения Карры в Месопотамии, на западных границах мощного восточного царства Парфии, еще одной эллинистической монархии.

Возникнув в III в. до н. э. в Средней Азии, она распространяла свою власть на запад до Тигра и Евфрата.

Раскопано несколько больших и малых городов в парфянской Месопотамии, для культуры которой характерно соединение элементов греческих и восточных религий, греческих и восточных обычаяев, традиций. Много дали исследования небольшого города Дура-Европос, где жили главным образом греки. Найденные во время раскопок пергаменные свитки рассказали о хозяйстве, торговле, городском устройстве, организации управления и т. п. Были открыты дома, построенные по греческому образцу — с небольшими внутренними двориками (в более позднее время здесь стали строить дома на восточный манер, с кирпичными лежанками вдоль стен, с плоскими крышами, на которых спали в душные ночи). Планировка города также была типично греческой.

В Дура-Европос был раскопан дворец, построенный вскоре после завоевания Месопотамии Парфией. В центре двора находился двор, обнесенный колоннадой, и цистерна. Со двора открывался вид на три огромные сводчатые ниши — айваны — характерную деталь иранской архитектуры. В глубине этих ниш имелись двери, которые вели во внутренние покоя дворца, пышно и разнообразно украшенные.

В центре города были обнаружены остатки храма Артемиды и Аполлона. Сначала в нем поклонялись греческим богам-покровителям Селевкидской династии. Позднее парфяне этот храм уничтожили и построили новый по восточным образцам. Огромный двор нового храма занимал целый квартал. Внутри двора возвышался храм с вестибюлем и собственно святилищем, где стояла статуя Артемиды, соединившей в себе черты греческой богини и богини Нанайи, которую чтили еще в древнем Уруке много столетий назад. Это была и дева-охотница, и покровительница плодородия, и великая восточная богиня изобилия, и воительница, приносящая победу.

В Дура-Европос был раскопан и другой храм — храм Зевса. Главное помещение расписано. Божество стоит около колесницы, его венчают крылатые Ники. Бог в два раза выше жрецов, воинов, царей. В других домах и храмах Дура-Европос тоже были найдены фрагменты росписей, изображающих главным образом сцены жертвоприношений. Фронтально развернутые композиции, тяжеловесные фигуры с какой-то жесткой неестественной жестикуляцией, огромные глаза, пристально смотрящие на зрителя.

ля и внушающие ему трепет перед невидимой силой богов... Как резко отличается от реалистического, чувственного, земного греческого искусства эта живопись Парфии!

В I в. до н. э. культура парфянской Месопотамии все более и более ориентализируется. Греческий полис уступает место восточному городу. Городской храм, с его открытой колоннадой, связывающей святилище с окружающим пространством,— символ полиса и его гражданственности — сменяется замкнутым храмом, похожим на большой дом, отгороженный от улицы. Культ становится или официальной религией, связанной с почитанием правителей, или делом частных лиц и корпораций, объединяющихся вокруг какого-либо святилища. Обнаженная женская статуя сменяется фигурами восточных богинь, закутанных в драпировки.

Держава, внутри которой все более и более усиливаются элементы восточной, иранской, культуры, восточного варианта рабовладельческого строя, Парфия противостояла Риму, его агрессивному продвижению на Восток. Она легла на пути Марка Красса, которому слава Александра, дошедшего до Индии, не давала спокойно спать.

...И взошло солнце над полем близ Карр, и осветило место, где должна была пролиться кровь. Обессиленных тяжелым переходом по пустыне римских воинов смущило зловещее предзнаменование: Марк Красс по ошибке вышел из своей палатки не в пурпурных одеждах, а в черных. И уже в начале боя авангард римских войск был окружен и уничтожен конницей парфян.

Парфянами командовал опытный и хитрый воин Сурена. Он выдвинул несколько небольших отрядов вперед и под их прикрытием стал разворачивать главные силы. Сурена приказал воинам прикрыть доспехи плащами, чтобы блеск металла не выдал их присутствия на поле боя. В нужный момент по его приказу закованые в броню всадники парфянской конницы сбросили плащи и, сверкая панцирями, подняв невообразимый шум и грохот, устремились на римские легионы. Но конная атака парфян не сокрушила римских пехотинцев, тесно сомкнувших строй и образовавших неприступный четырехугольник, ощетинившийся копьями. Тогда Красс решил перехватить инициативу и выдвинул вперед легковооруженных мобильных воинов. Парфяне ответили градом стрел. Под жестоким обстрелом

легкая пехота отступила, чтобы укрыться за щитами тяжелых легионеров. Но это отступление передовых линий расстроило боевой строй римлян, а тем временем к парфянам с тыла подходили верблюды, груженные тюками стрел. Последней надеждой Красса была галльская конница, которой командовал его любимый сын Публий. Публий бросился на врага, парфяне сделали вид, что отступают, за ними последовала римская пехота, но перед ней вдруг открылись ряды главных, не введенных еще Суреной в бой свежих сил. Отступавшие парфяне развернулись, атаковали римлян с флангов и окружили их войско. Началось избиение... Среди пыли и песка, поднятого копытами лошадей, римские легионеры падали под парфянскими стрелами, катались по земле, вопя от боли, пытаясь вытащить руками и зубами глубоко вонзившиеся зазубренные стрелы, разрывая еще больше свои раны. Галльские всадники, терзаемые жаждой и жарой, дрались отчаянно. Они соскакивали с коней, подлезали под парфянских лошадей и пропарывали им животы, но тут же гибли, придавленные животными или проколотые мечом. Им пришлось отступить. Пришлось отступить и юному Публию, получившему уже множество ранений. Но он не захотел бежать. Понимая, что плен неизбежен, он велел себя убить.

...Старый Красс ждал вестей от сына. И вдруг римляне увидели над рядами приближающихся с пронзительным шумом и звоном парфян поднятые на копьях головы Публия и его товарищей. Войска в ужасе застыли. «Римляне, меня одного касается это горе!»² — сказал Красс, но его слова не подняли дух армии. Сражение было проиграно. Попав в окружение, римляне яростно защищали Красса, но Сурена хитростью выманил его, сделав вид, что готов вести мирные переговоры. Два полководца встретились в лагере парфян. Крассу был подведен конь с золотой уздой. Когда он сел на коня, толпа парфян, придинувшись вплотную, стала погонять лошадь. Свита Красса пыталась теснить врагов, но напрасно. Поднялась сумятица, началась драка, и кто-то ударом меча убил Красса, за жизнь которого Сурена ручался. Оставшиеся без начальника римские войска сдались на милость победителей. Огромный караван пленных римлян потянулся в глубь Азии. Отныне легионерам суждено было стать рабами.

Сурене принесли найденный в римском обозе сборник неприличных рассказов. Он смеялся и говорил, что римляне даже на войне не могут забыть непотребства. В Селевкию — старую эллинистическую столицу — Сурена въехал на коне, подвесив к седлу сумку с этой книгой. За его отрядом, сверкавшим броней, копьями и секирами, шли толпы блудниц, непристойными песнями и криками поносившие слабость Красса. Так праздновали парфяне свою победу.

В это время царь Парфии Ород отмечал помолвку своего сына Пакора с армянской принцессой. Династический брак должен был укрепить положение империи, разросшейся от Каракумов до Месопотамии. Ставили «Вакханок» Еврипида. Все собирались ко двору. После пира началось представление.

Вдруг в зал вошел парфянский гонец и бросил на середину сцены голову старого римского полководца Красса, только что убитого.

Все возликовали, а один из актеров, схватив голову Красса, продекламировал стихи, которые ему и следовало прочесть по ходу действия драмы:

Мы несем с горы в свой дом недавно срезанный плющ,
Добычу славной охоты...

А хор спросил:

Кто же убил его?

Царь Ород был доволен и щедр. Находчивый актер получил талант серебра.

Начавшаяся еще во время Митридатовых войн против Рима политическая реакция Азии на западные влияния, принесенные эпохой эллинизма, завершилась битвой при Каррах.

После 53 г. до н. э. на Востоке установилось как бы вооруженное равновесие между Римом и Парфией.

Две державы разделили на сферы влияния весь Передний и Средний Восток. Остальным царям и правителям ничего не оставалось делать, как лавировать между этими лагерями, пытаясь, играя на их противоречиях, выторговать для себя или экономическую помощь, или территориальные уступки.

Что же представляла собой Парфия, государство, которое в середине I в. до н. э. смогло преградить путь несокрушимым, казалось, римским легионам в их продвижении на Восток? Что это были за цари, которые и не думали заискивать перед грозным Римом, не просили званий и титулов, вроде «друга Рима», а выставили против него свои войска и легко разбили его военные соединения.

Обратимся теперь к истории той земли, которая взрастила Парфянскую империю и которую целиком завоевать не удалось даже Александру Македонскому.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ОАЗИСАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Власть над Ираном и частично над Средней Азией, рабоче входившими в Ахеменидскую державу, захватила династия, которая вела свой род от ближайшего соратника Александра — Селевка. Но в середине III в. до н. э. взбунтовались два района Средней Азии: в Бактрии против Селевкидов поднял мятеж грек Диодот, в Парфии — местный аристократический род Аршакидов. В результате возникли два независимых эллинистических государства.

Привлекает внимание старая столица Парфии Ниса (в Южной Туркмении), которую чтили как родину парфянских царей. Наиболее интересным оказался в ней «царский заповедник» — священное место Аршакидов, где находились дворцы и царские усыпальницы, казармы гвардии и административные учреждения, где совершались церемонии в честь усопших правителей. Заповедник, расположенный на высоком холме, был укреплен мощными зубчатыми стенами с огромными башнями. К воротам вел узкий пандус. А внутри крепости была найдена сокровищница парфянских царей II—I в. до н. э. — квадратное здание со множеством одинаковых комнат, вытянувшееся по периметру двора. Когда умирал очередной Аршакид, приношения, сделанные в его честь, замуровывали в одной из комнат. Когда все комнаты оказывались заполненными, к зданию пристраивали ряд новых.

Трудно себе представить, какие богатства хранились в этих помещениях, но они не дошли до нас — сокровищница была ограблена еще в древности. Нам достались лишь жалкие остатки. Однако даже то, чем пренебрегли грабители, поразило весь мир. В одном из помещений были найдены ритоны из слоновой кости с тончайшей высокохудожественной резьбой. Низ их украшен фигурами грифонов, львов, кентавров, чудовищ в виде человекобыка, а верх — скульптурными фризами, где представлены все

главные боги греческого Олимпа, но чаще всего — Дионис и сцены, связанные с его культом. Изображения греческих богов, однако, переосмыслены восточными мастерами (сказалось взаимодействие западной и восточной цивилизаций), правда, какими, мы не знаем.

Одних ритонов было бы достаточно, чтобы привлечь внимание к раскопкам в Нисе. Но открытия в древней столице парфян только начинались.

Однажды археологи извлекли из земли часть какой-то статуи из серого мрамора. Через три года они нашли еще один обломок, а затем голову. Когда ученые все три части сложили, перед ними предстала прекрасная полуобнаженная женская фигура, высеченная из белоснежного мрамора и задрапированная в серый. Высокая тонкая шея и слегка наклоненная вперед, совершенная по своим очертаниям голова, властное, волевое лицо. Такое же, как у греков, понимание красоты тела, но удивительно своеобразная трактовка выражения лица.

По поводу этой статуи II—I в. до н. э. было высказано несколько предположений. Скорее всего скульптор изобразил парфянскую принцессу — жену одного из селевидских царевичей, которого парфяне держали в плену, Родогунду. Древний историк и писатель Полиен рассказывает, что в тот момент, когда Родогунда начала мыть волосы, к ней пришел вестник. Он сообщил, что один из подвластных народов поднял восстание. Не домыв волос и уложив их кое-как, Родогунда села на коня и повела в бой свое войско. Она поклялась вымыть волосы не раньше, чем победит восставших. После долгой войны Родогунда одолела их и только тогда вымыла волосы. На печати парфянских царей, добавляет историк, есть ее изображение с распущенными волосами¹. Быть может, и мы видим Родогунду в тот момент, когда, узнав о восстании, она поправляет недомытые волосы?

Огромный интерес вызвал у археологов так называемый «Южный комплекс», состоявший из разных построек — культовых и дворцовых. Раскопан был «Круглый зал». Строгие пропорции и точно рассчитанные объемы создавали ощущение замкнутого пространства. Диаметр зала 17 м. Вокруг него — узкий обходный коридор. В нижнем ярусе — голые оштукатуренные стены. А во втором ярусе, вероятно, находились ниши, в которых стояли большие фигуры из сырцовой глины с росписью по штукатурке.

Между статуями возвышались колонны с коринфскими капителями. Обломки великолепного убранства найдены в завалах. Неясно, для чего служил грандиозный зал. Одни археологи считают, что это был мавзолей (правда, никаких следов погребений здесь нет), другие — что это был храм. Действительно, расположение зала (в толще огромного массива), торжественность и приподнятость его архитектуры свидетельствуют о культовом назначении постройки. Зал напоминает греческий круглый самофракийский храм Арсинойон. Если это храм, то кому он был посвящен, кого изображали статуи? Парфянских богов и богинь или обожествленных предков Аршакидов? Все полно загадок, и все окутано тайной в «царском заповеднике» парфянской Нисы.

Рядом с «Круглым залом» раскопан «Квадратный зал». Прямоугольные пилястры в нижнем ярусе и круглые полуколонны в верхнем украшают его стены. Четыре мощные колонны поддерживают деревянный потолок со световым люком в центре. После ремонта в конце I — начале II в. н. э. зал был украшен монументальной глиняной скульптурой, поставленной в нишах второго яруса и изображавшей, наверное, членов правящей династии. Цари в парфянских одеждах, в штанах, боевых панцирях и со щитами; женщины в просторных плащах. Во всем убранстве чувствуется влияние греческой культуры, но общая планировка, ордер — восточные, собственно среднеазиатские. Эллинистическое искусство наложило слабый отпечаток на парфянскую среднеазиатскую архитектуру.

Размеры «Квадратного зала» огромны — 20×20 м. Назначение его тоже до конца не ясно. Возможно, он был храмом, в котором отправляли заупокойные культы.

Тут же открыта массивная башня из кирпича. Вокруг нее шла лестница. Наверху находилось маленькое помещение со статуей какого-то бога. Геродот писал, что персы имеют обычай приносить жертвы божеству на высоких горах. Быть может, археологи столкнулись с такой горой для жертвоприношений, но только не естественной, а искусственной.

«Царский заповедник» был местом сосредоточения храмов и сокровищниц умерших царей. Городом живых оказалась расположенная рядом Новая Ниса — здесь учёные раскопали развалины обыкновенных домов, мастерских ремесленников, укрепленной цитадели, вилл богачей. Но

Украшение ритона из Нисы

Слоновая кость. II в. до н. э. Государственный Эрмитаж

и тут был обнаружен у стен храм, весьма интересный по своему устройству. На специальной ступенчатой платформе возвышались мощные стены, окруженные колоннадой. Та часть стен, которая поднималась над колоннами, была белоснежной, а та, что находилась за ними,— малиновой. Верхнюю линию стен украшали зубцы, как бы повторявшие в более мелком ритме зубцы крепостной стены. Эта монументальная архитектура рождала ощущение тяжеловесности. Греческий мастер поместил бы массивные части здания внизу, а легкую колоннаду поставил сверху.

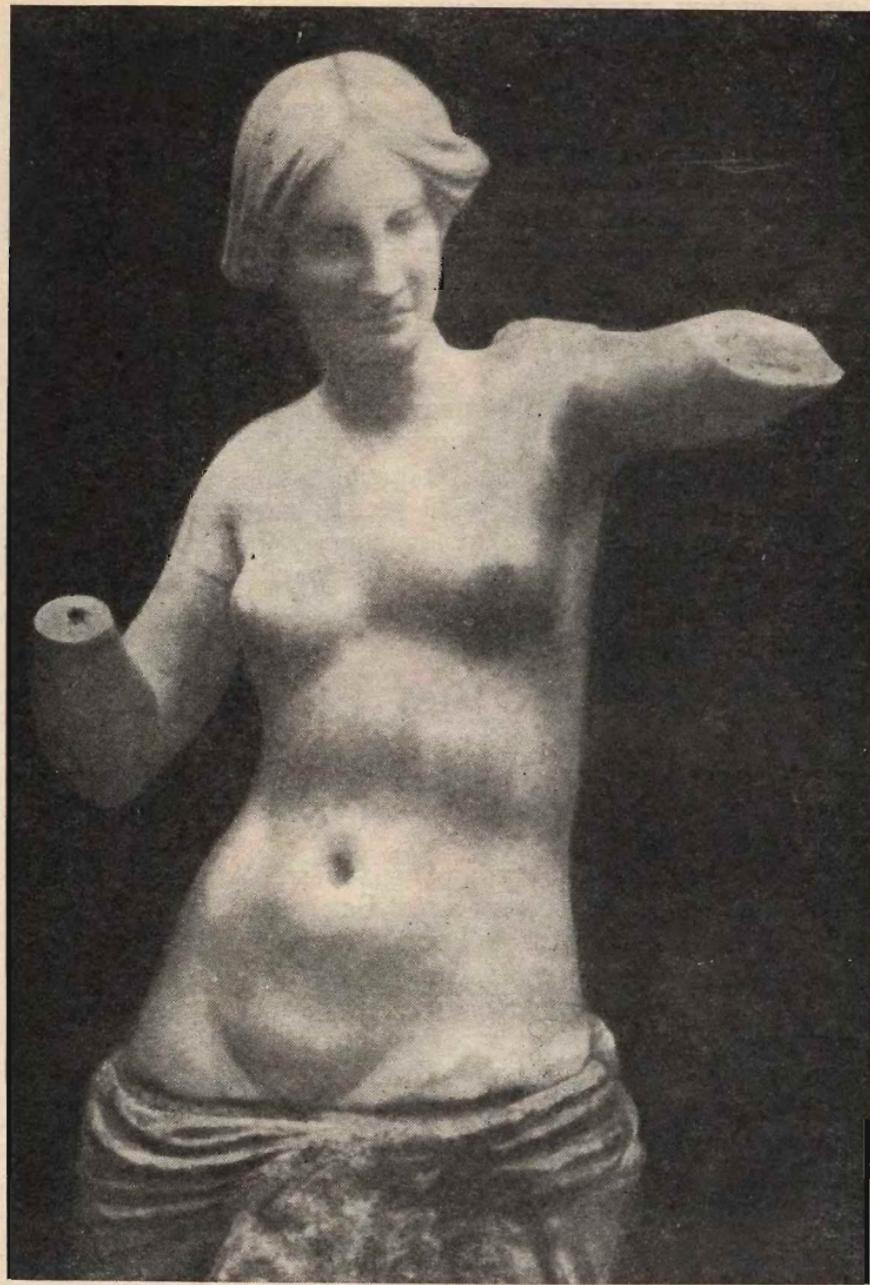
Тысячи и тысячи обломков былого, найденные в Ниссе — первой столице парфян, рассказали нам о ее жизни

и быте. Но настоящей сенсацией явилось открытие «говорящих» источников, письменных памятников — документов из архивов парфянских правителей. Это черепки-остраконы (их более двух с половиной тысяч), на которых написаны слова (чаще всего тушью) арамейским алфавитом. Сейчас они прочтены, но изучение их продолжается.

Большая часть остраконов из Нисы — I в. до н. э. — представляет собой записи о поставках вина в царскую казну. Это расписки и учетные документы. На одном остраконе исследователи прочли: «В хуме этом из Рашишатакана, от Тиридата, главного начальника конницы, от него самого, было вина — 16 мари. Из этого запаса вина — 2 мари внесено на год 172. Доставил Варараги, мадубар». Имеются своего рода ведомости на взносы в казну. Подробно перечисляются хумы в той или иной части винохранилищ. А то просто написано на черепке: «В этом хуме старое вино» или «В этом хуме — уксус». Иногда рассказывается о каких-либо событиях во дворце, например о вступлении на престол нового царя: «Год 157, царь Аршак, внук Фрияпата, сына племянника Аршака». Очевидно, в этом году позванный царь стал править в Парфии. Встречаются и прописи, ученические записи — какой-то начинающий несколько раз пишет начало письма: «От Михрдата брату..., от Михрдата брату» и т. п. При расшифровке не обошлось без курьезов. Известный ученый Ф. Альтхейм прочел один остракон из Нисы так: «Евтихий. От господина принесем мы к тебе, а он примет 206». Советские ученые В. А. Лившиц и И. М. Дьяконов тот же документ прочли правильно: «В этом сосуде из виноградника узбари, называемого Хиндукан, вина 16 мари»².

Сохранились в нисийских документах на черепках записи о чицовниках, о жрецах огня — «атуршшатах», о «тагмадарах», носивших парфянские имена Фрабахтак и Фрафарн и, видимо, командовавших теми пленниками, которые были уведены в глубины Азии после поражения Марка Красса в 53 г. до н. э. при Каррах, или их потомками.

Когда-то греческий писатель Филострат писал о знакомой уже нам парфянской принцессе Родогунде: «Мне кажется, мальчик, ты чувствуешь ее красоту и хоть немножко хочешь о ней услышать. Слушай же! Она приносит жертву богам и благодарность... она молится, чтобы

Статуя Родогунды из Нисы

Мрамор. II в. до н. э. Ашхабадский музей

боги и впредь дали ей побеждать врагов, как она победила их теперь... Глаза у нее, меняя свой цвет, от голубых переходят в темно-синие, получая свою веселость от данного настроения, свою красоту — от природы, повелительный взгляд — от сознания власти... Смотри же, мальчик, что тебе следует знать: цветущие губы вполне одинаковые, рот изящный, им она перед трофеем произносит молитву; а если бы мы захотели ее услышать, следует думать, она заговорила бы по-гречески»³.

Мы стоим перед мраморной Родогундой из Нисы и мысленно переносимся в то далекое время. Мы видим нежные руки, строгое лицо и прекрасные, совершенные по своей форме губы. Они молчат. Но зато все кругом, весь этот мертвый город наполняется гулом голосов. Говорят стены храмов, сокровища из «царского заповедника», говорят развалины домов... Самый ясный и громкий пока голос у документов из архивов дворца. Это не греческая речь, которую ждал Филострат от парфянской царицы, это язык парфян, создавших великую среднеазиатскую и иранскую империю.

* * *

Почти ровесником Парфии было Греко-бактрийское царство, тоже отколовшееся от державы Селевкидов в середине III в. до н. э.

Одна за другой области в верховьях Амударьи были присоединены к основному ядру Бактрии. Греко-бактрийские цари были типичными эллинистическими монархами, жестокими и непреклонными. Один из исследователей Средней Азии так писал о них: «Стоящий в Бактрии, на скрещении путей, грек, который правой рукой мог перелистывать веды брахманов Индии и насхи маздеистов Средней Азии и Ирана, а левой рукой потрясать засовы, которыми заперты были ворота Великой китайской стены»⁴.

У нас есть возможность познакомиться с ними поближе, рассмотреть их лица благодаря сохранившимся монетам тех времен.

На серебряной тетрадрахме портрет Диодота I — основателя царства. Покатый лоб, длинный нос, толстая шея, курчавые волосы, перевязанные лентой. Умное лицо хитрого, целеустремленного, расчетливого человека. На обо-

роте — Зевс, мечущий молнии, у ног — венок, рядом орел, с одной руки свисает эгида. Тут же надпись — «царь Антиох». Диодот формально признает Селевкидов, но чеканит монету все же со своим портретом — прерогатива верховного государя. Он, наверное, считал Зевса покровителем своего рода и заказал статую наподобие хорошо известных в Греции. Эту статую изобразили на монете.

Само имя Диодот переводится как «богом (Зевсом) данный».

Монета Диодота I

Серебро. III в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Монета Диодота II

Серебро. III в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Движение за сепаратизм в Бактрии завершилось при его сыне Диодоте II. Он правил всего пять лет (230—225 гг. до н. э.). На монетах мы видим еще достаточно молодого царя, красивого, у него правильный прямой, чуть оттянутый вниз нос (семейная черта), легкие складки вокруг рта и на лбу. На оборотной стороне монеты — тот же Зевс с молнией и орлом. Он унаследован от отца. Но если отец еще чеканил на монетах «царь Антиох», то сын ставит свое имя.

Зевс не помог этой династии. Ее сверг предприимчивый грек из далекого города Магнессии — Евтидем. Если бы не он, то третьего царя тоже звали бы, наверное, Диодотом — эллинистические цари одной династии любили повторять одно или два имени: Птолемей, Антиох,

Селевк... Обилие династий в Бактрии породило пестроту имен.

Этот век, в который процветали бесчисленные культы, множились религиозные клубы, был по существу глубоко циничным веком. Царей чтили как богов, возводили их мифические родословные то к Аполлону, как Селевкидов, то к Дионису и Гераклу, как Птолемеев, а в богов верили больше по привычке. Самодержавный мощный царь, хорошо бы просвещенный, но обязательно сильный,— вот реальная опора мира, и, к нему обращаясь, подданные говорили: «Других богов нет, либо они далеко, либо они не слышат, либо не обращают на нас внимания; но ты здесь, и мы можем тебя видеть не в дереве или камне, но в живом виде»⁵.

Евтидем стал чеканить на своих монетах Геракла — покровителя его рода. Герой полулежит, опершись на грозную палицу (за образец Евтидем взял огромную статую Геракла, созданную Лисиппом в IV в. до н. э.). Сокрушивший Диодота Евтидем мог, подобно Гераклу, завершившему свои труды, теперь наслаждаться славой и покоем. У царя молодое лицо, умное, волевое, массивная шея, кудрявые короткие волосы. Обращают на себя внимание мощные надбровные дуги, мясистый нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза. Более 30 лет правил Евтидем Бактрией. Как изменился он за это время? Об этом говорит монета, выбитая в конце его правления. На ней старый, обрюзгший человек. Щеки его оплыли жиром, шея налилась кровью, лоб избороздили глубокие морщины, углы рта с чуть поджатыми губами резко опустились. Во всем облике царя усталость и опустошенность. Только взгляд его по-прежнему властен.

Ко времени правления Евтидема относится последняя попытка Селевкидов вернуть отложившиеся от них земли на востоке. Антиох III, селевкидский царь, прозванный Великим, разбил Евтидема и обратил в бегство десятитысячную армию царя. Между униженным Евтидемом и послом победоносного Антиоха, Телеем, состоялись переговоры. И тогда Евтидем, прирожденный политик, заявил, что Антиох поступает несправедливо, пытаясь лишить его царства. Не он первый восстал против Селевкидов. Наоборот, он покарал и уничтожил род изменников. «Долго говорил так Евтидем,— пишет Полибий,— и наконец просил Телея оказать ему услугу в мирном посредничестве

и убедить Антиоха оставить за ним царское имя; если Антиох не исполнит его просьбы, то положение обоих станет небезопасным. На границе (продолжал он) стоят огромные полчища кочевников, угрожая им обоим, если только варвары перейдут границу, то страна наверное будет завоевана ими»⁶. И Антиох внял уговорам. Мир был заключен, Евтидем остался суверенным правителем. Антиох даже выдал свою дочь замуж за сына Евтидема Деметрия и предоставил ему большие военные силы для покорения Северной Индии.

На исход этих переговоров оказал влияние тот немаловажный факт, что оазисы и долины, заселенные горожанами и земледельцами, уже ощутили на себе холод-

Монета Евтидема I

Серебро. III в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Монета Евтидема I

Серебро. III—II вв. до н. э. Государственный Эрмитаж

ное дыхание кочевой степи. И наиболее дальновидные политики, Антиох III и Евтидем, поняли, что перед лицом надвигающейся опасности нет места для частных и мелких конфликтов.

Антиох Великий, правитель большей части бывшей державы Александра Македонского, мечтал не только о Бактрии на востоке, но и о Греции на западе. Как Александр, он совершил жертвоприношения на руинах Трои. Как Ксеркс, он переправлялся через Геллеспонт и встречал греков в Фермопильском ущелье, но был разбит вместе со своими тремя слонами, этими древними «танками», взятыми на вооружение Александром и его последователями после похода в Индию. И одновременно Антиох III — это прообраз будущих восточных эллинистических правителей, борцов с Римом. Антиох встретился с Ганибалом в Тире, куда великий полководец прибыл и где мог посвятить Антиоха Великого в средиземноморские дела. В Египте, используя династический брак, Селевкид старался противостоять давлению молодого алчного итальянского государства, рвущегося к мировому господству. Но империя Селевкидов слабела. После смерти Антиоха III ее цари стали фантастическим воплощением безумств и распутства: Антиох IV однажды после успешного похода, на пиру, после долгих декламаций и шутовских представлений, в которых он принял участие, приказал внести себя завернутым в ткани и положить на стол среди пирующих придворных. При звуках музыки закутанная фигура поднялась, ткани упали, и перед изумленными гостями предстал голый царь. Через минуту он уже носился по зале в вихре идиотского танца.

Преемник и сын Евтидема бактрийский царь Деметрий унаследовал от отца властный, пронзительный взгляд, рот с презрительно поджатыми губами. Мощная шея, тяжелые надбровья, суровый, непреклонный взор — таким он предстает перед нами на своих монетах. На голове у него шлем в виде головы слона с загнутыми бивнями — свидетельство успешных походов в Индию. Деметрию очень хотелось походить на другого завоевателя, несравненно большего по масштабу, чем он, на Александра Македонского. Того тоже иногда на монетах, правда после смерти, изображали в таком шлеме. На оборотной стороне монет Деметрия стоящий Геракл со шкурой льва и палицей — реплика с греческой статуи. Но на

голове Геракла убор в виде венца — это атрибут другого бога — бога Солнца, древнего иранского Митры. В ту эпоху, когда греческая культура, религия и искусство взаимодействовали с восточными — иранскими, египетскими, индийскими, возникали божества-гибриды, и один из них — Геракл-Митра — попал на монеты царствовавшего на далеком Востоке грека.

После Деметрия престол занял Антимах. Судя по портретам, это был умный, пожалуй, даже тонкий, несколько иронического склада человек. В уголках его рта таится

Монета Деметрия

Серебро. II в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Монета Антимаха

Серебро. II в. до н. э. Государственный Эрмитаж

усмешка, глаза слегка прищурены. На царе берет и диадема, от которой сзади спускаются ленты. Он тоже был удачливым завоевателем: прошел со своими войсками Фергану и, возможно, подчинил на какое-то время Восточный Туркестан и страну хуннов. Вероятно, его берет — такой же символ победы над этими странами, как шлем на голове Деметрия — символ успехов в Индии. На обороте монет Посейдон в плаще, с трезубцем и пальмовой ветвью. Почему вдруг Посейдон, а не Геракл, патрон Деметрия и Евтидема? Почему в горной стране покровителем царя избирается бог океанских пучин? Может быть, в озnamенование какой-нибудь победы на воде, на Инде или Оксе, а может быть, в Посейдоне видели покровителя плодородия и бога орошающей землю воды или бога скота..?

Но продолжим осмотр «портретной галереи» бактрийских царей. Обратимся теперь к серебряной тетрадрахме Евтидема II. Мы видим на ней стоящего Геракла с венцом, как у Митры, с венком в руке: Евтидем старался подчеркнуть, что является законным наследником своих отца и деда — Деметрия и Евтидема I. Мы мало знаем о его царствовании, правил Евтидем недолго, а монеты рисуют образ слабого и незначительного человека, капризного, всем недовольного, с насупленными бровями, одутловатыми щеками, поджатыми губами.

Но вот на монетах появляется Евкратид — основатель новой династии. Свергнув потомков Евтидема, он объявил себя сначала царем-спасителем, а потом, утвердившись на троне, великим царем. На первых порах Евкратид чеканил на оборотной стороне фигуру стоящего Аполлона, потом, сделавшись полноправным lastителем, — двух конников — Диоскуров, сыновей-близнецов Зевса и Геры. Он был непостоянен в выборе божественных покровителей, часто на его монетах встречаются изображения богини победы Ники. Портрет его не менее выразителен, чем портреты других правителей, — правильные волевые черты лица, целеустремленный взгляд. На голове нередко бактрийский шлем.

Наконец, перед нами его сын Гелиокл — убийца отца, взошедший на бактрийский престол, перешагнув через труп Евкратида. Короткий нос, низкий лоб, короткая толстая шея, выдвинутая вперед верхняя губа. Гелиокл, как пишет историк, «не скрывая отцеубийства, убил его (Евкратида), как врага, и через кровь его провел колесницу и непогребенным велел выкинуть его труп»⁷. При этом на монетах он чеканил «дикойон» — что значит «справедливый».

Французские археологи раскопали в Северном Афганистане, рядом с границей СССР, древнебактрийский город Ай-Ханум. Здесь открыт дворец — большая и сложная архитектурная постройка с двором площадью 136×108 м. На эллинский манер вокруг двора тянется колоннада, вход украшен пропилеями. Коринфские капители, настенные рельефы с мордами львов, антефики с пальметами. Но дворцовый парадный зал с восемнадцатью колоннами связан с ахеменидской архитектурной традицией. Там же был раскопан мавзолей, вероятно, основателя города. Некий грек Клеарх совершил путе-

Монета Евтидема II

Серебро. II в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Монета Евкратида

Серебро. II в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Монета Гелиокла

Серебро. II в. до н. э. Государственный Эрмитаж

шествие в Дельфы, скопировал там сентенции оракула и по приказу Кинея, правителя, начертал их на его мавзолее.

Подобно греко-бактрийским монетам, находки из Ай-Ханум демонстрируют сочетание эллинских и восточных, греческих и иранских черт культуры.

Сходный по своей сути, по своему духу памятник был исследован советскими археологами в Южном Таджикистане — городище Саксонохур. Эти города относятся к эпохе расцвета Греко-бактрийского государства, которая кончилась в середине II в. до н. э.

Предостережение Евтидема о северных варварах было не безосновательным. В середине II в. до н. э. на Бактрию и Парфию, как смерч, налетели полчища северных кочевников. Парфянским царям удалось отстоять свою независимость, бактрийцев они сокрушили. Бактрию наводнили варварские племена. Один из их знатных родов — Кушаны — в I в. до н. э. создал новое государство. Кушанская держава стала быстро расти и вскоре превратилась в мощную империю, поглотившую и Согд, и Бактрию, и Северный Инд, и Восточный Иран, и Афганистан.

* * *

Только руины дворцов, когда-то поражавших своей роскошью, настенными росписями и прекрасной скульптурой, остались от некогда могущественного царства Кушан. Только развалины сохранились и от дворца кушанского аристократа в Халчаяне (Южный Узбекистан). Но среди этих развалин были найдены драгоценные произведения искусства. В главном зале у стены когда-то стояли статуи правителей, над ними изображены фигуры Геракла, Ники и Афины. По бокам располагались представители местной знати. По верху стены тянулся фриз, на котором юных танцовщиц сменяли мальчики с гирляндами цветов, а их в свою очередь — скоморохи. На другой стене отряд лучников мчался в атаку на конях. Некоторые из найденных в завалах голов царей с хищным, резко очерченным профилем очень похожи на портреты кушанского царя Герая, выбитые на его монетах. Может быть, этот дворец принадлежал правителям из кушанского рода?

Фалар с боевым слоном

Серебро. II—I вв. до н. э. Государственный Эрмитаж
Воины в таких же бактрийских шлемах, как Евкратид.

С особым чувством мы смотрим на свидетелей событий двухтысячелетней давности. У каждого из них свой характер, свой внутренний мир. Вот перед нами пожилой царь — черты его лица хранят печать тяжких раздумий, а вот молодой — волевой, красивый, мужественный воин с суровыми складками вокруг рта.

Великолепно умели мастера бактрийского и кушанского времени обрабатывать драгоценные металлы. Замечательные чаши и фалары вышли из их рук. На них мы видим и боевых слонов с башенками на спинах (в башенках воины в таких же бактрийских шлемах, как Евкратид), и крылатых богинь, и сцены свадебных пиров и битв, и просто цветущие растения и лозы винограда.

В далеком Пермском крае была найдена серебряная чаша, сделанная, вероятно, в кушанскую эпоху и по торговым путям попавшая на «край света». На ней изображено венчание царя. Мужчина и женщина в богатых одеждах сидят на покрытом ковром троне, с ножками в виде львиных лап. Он держит бокал, она — цветок. А вокруг идет веселье. Барабан и флейта падрываются, чтобы гости, уставшие от выпитого вина и съеденных яств, не знали скуки. Играют небесные музыканты. Эту роль, по индийским преданиям, брали на себя обезьяны: на блюде мы видим двух обезьянок с барабаном и флейтой. Царя венчает птица — в Ригведе рассказывается о птице Гарутманте, которая олицетворяет солнце и приносит счастье и изобилие,— видимо, это она и есть. Вот мужчина с кубком и двумя кувшинами, дальше нагой раб с огромным бурдюком, двое слуг хотят зарезать для пира кабана. И вдруг мы видим бородатого большого мужчину, сидящего на скамейке, облокотившись на подушку, с дубинкой в руке, и маленького старца с бородой, почти лысого, тоже сидящего на скамейке. В первом, с палицей, нетрудно узнать отдыхающего Геракла. Так его изображали на монетах Евтидема. Греческий герой на свадебном приеме восточного царя, среди образов Ригведы! Такова была эпоха, такова была культура Кушанского царства, заимствовавшая образы из индийского эпоса, унаследовавшая характерные черты античности и взращенная на почве самобытного среднеазиатского искусства. А старик? Может быть, это отец жениха или невесты? А может быть, персонаж драмы Еврипида «Силей». Сюжет ее таков. Геракл был продан Гермесом в рабство Силену — жадному владельцу виноградников, на которых работали сатиры и силены. Геракл, подученный сатирами, разбил бочку вина, вырвал лозы и устроил в отсутствие хозяина пирушку для всех работников. Явившийся Силен с яростью набросился на Геракла, а тот с добродушием и спокойствием, достойным сына Зевса, сказал ему: «Располагайся-ка да выпьем, за этим делом ты можешь хоть сейчас испробовать, точно ли ты сильнейший». Тот, конечно, обругал Геракла, а в ответ герой наговорил ему дерзостей. Ссора закончилась убийством жадного хозяина.

Может быть, на блюде изображена сцена пира Геракла с силенами (сидящий Геракл и старик напротив него)

Чаша со сценой пира

Серебро. III—V вв. до н. э. Государственный Эрмитаж
Греческий герой на свадебном пире восточного царя.

и ссоры его с хозяином (Геракл замахивается палицей, а Силен нападает с ножом)?

Еще Александр привил на Востоке вкус к греческому театру. Когда его огромное войско останавливалось на длительный отдых, он приказывал ставить пьесы Эсхила или Аристофана. После его смерти в Иране и Средней Азии в течение многих веков продолжали увлекаться классической драмой и комедией. Увлечение это в какой-то степени сохранилось и в эпоху средневековья.

Интересно среднеазиатское блюдо, украшенное изображением героев из пьес Еврипида. Это как бы иллюстрация к сборнику его драм.

Вот сидит женщина со связанными руками, рядом мальчик, которого охватил Геракл. Обезумевший герой убивает сына, а рядом его жена, связанная и бессильная Мегера. Далее царь Тезей. Он поверил письму самоубийцы Федры, в котором сообщалось, что Ипполит, сын Тезея, домогался ее любви. Царь в гневе. Кажется, мы слышим, как он говорит слова, вложенные в его уста великим драматургом:

Смотрите все... вот сын мой, опозорил
Он ложе мне — и мертвый его
Как низкого злодея уличила.

Затем перед нами возникает Беллерофонт, захотевший на Пегасе вознестись на Олимп, но рухнувший на землю.

Полны трагизма сцены со слепым царем Пелием. Чтобы вернуть отцу молодость, дочери решают принести его в жертву, приняв злобные речи Медеи за добрый совет. Мастер прекрасно изобразил старика в жалкой, беспомощной и доверчивой позе.

Нужно представить себе вельможу где-нибудь на пиру во дворце восточного царя или среди друзей, только что выпившего вино, откинувшись назад и поднявши вверх чашу. Медленно вращает он ее и рассматривает сцены. Вино мутит ему взор, и фигуры начинают двигаться. Перед ним возникают хорошо знакомые сцены из пьес, которые так часто ставили в придворном театре.

Античный мир, его герои и мученики, его злодеи и боги воплощены в этих изделиях. Когда-то на туманных киммерийских берегах вызывал их из Аида Одиссей. Теперь они стали привычными образами, тысячи раз повторенными и в мраморе, и в бронзе, и в трагедиях, и в стихах. Они завоевали Восток.

Продолжая мысль С. Рейнака, мы можем сказать, что искусство восточного эллинизма с огромной силой выразило идею смешения культур, идею духовного и культурного единства, хотя бы в пределах Среднего и Ближнего Востока, в какой-то мере идею космополитизма.

* * *

Крупным древним государством на территории Средней Азии был Хорезм, лежавший в низовьях Окса (Амударьи). Что знали бы мы о нем без археологии? Имена некоторых царей, немногие факты военной и политической истории. Вот и все. Затерянные в песках дворцы и города Хорезма долгие годы хранили глубокое молчание. Лишь ученые-археологи, отправившиеся на поиски исчезнувшего времени, вновь населили их людьми, дали им вторую жизнь.

Одной из ярчайших страниц в истории археологических работ в Хорезме являются раскопки древней крепости Кой-Крылган-Кала.

До начала работ виден был только занесенный песком круглый замок, сглаженные очертания башен, полускры-

тые барханами стены. Прошли годы тяжелого труда, прежде чем удалось полностью открыть его. В пыли, которую поднимали транспортеры, на жаре, среди грохочущих бульдозеров иногда можно было видеть людей, склонившихся над обрывком миллиметровки или над рисунком палкой на песке («не наступи на мои круги!») и с самозабвением споривших о том, как построена крепость, для чего она служила.

Высокий замок имел у подножия кольцеобразную застройку. Все это было обнесено круглой стеной. Когда археологи раскопали первые комнаты, стало ясно, что остальные расположены симметрично и можно копать сразу по намеченным аналитически границам. В этом было много волнующего, это казалось началом раскрытия секретов величественных руин. В нижнем этаже центрального цилиндрического здания находились два огромных зала, а по бокам шесть комнат поменьше (по три с каждой стороны). Две лестницы соединяли оба зала с верхними помещениями. Залы имели длинные узкие проемы в огромной толще стен — окна. Но в одном помещении окна отсутствовали. Именно этой «темной комнате» суждено было стать концом нити, которая привела к разгадке тайны Кой-Крылган-Калы.

Выяснилось, что у этой комнаты есть еще одна особенность: по какой-то причине ее стремились тщательно изолировать от всего мира. В смежном с ней зале построили глухую стену, чтобы не только преградить доступ в нее, но и замаскировать ее. Тот, кто спускался в этот зал, не должен был даже подозревать, что за стеной есть целый отсек. Более того, если кто-нибудь какими-то путями узнал бы о существовании за этой стеной таинственной «темной комнаты» и, пробив стену, захотел воровски проникнуть туда, он попал бы в ловушку — огромную яму, вырытую за стеной и занимавшую всю огороженную площадь зала.

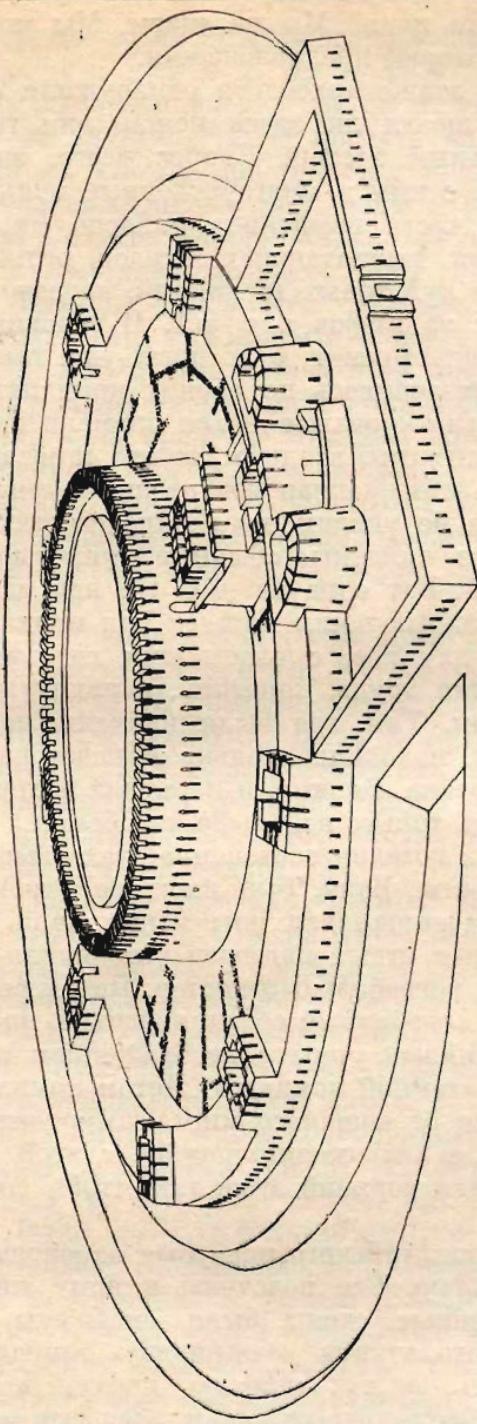
Но и это еще не все. Древние строители замуровали весь блок помещений, выходящих в западный зал. Они заложили лестницы, которые вели в него. А поверх закладок поставили стену кольцевидной стрелковой галереи верхнего этажа. Лестницы, ведущие в восточный зал, оставались открытыми, и, разгуливая по стрелковой галерее, каждый мог спуститься туда. Ступени их, между прочим, сильно стерты.

Хорезм как полуостров или даже остров оседлости далеко вдавался в море кочевой степи. Оно омывало его со всех сторон, и нигде в Средней Азии не было такого полного и тесного контакта оседлого и кочевого мира, как в этом районе.

Может быть, в Кой-Крылган-Кале нужно искать отпечатки влияния степной периферии, где жилиnomады — сако-массагетские племена?

На Нижней Сырдарье были раскопаны очень древние мавзолеи. В них погребали прах кремированных вождей. Расположенные крест-накрест помещения в массивных кирпичных круглых мавзолеях поразительно напоминают планировку Кой-Крылган-Калы. Сакские мавзолеи строились так потому, что крестовидная планировка повторяла знак солнца. Еще Геродот писал, что солнце — главное божество у массагетов. Бог солнца у иранцев, Митра, имел своим символом тоже крест. Само слово «Хорезм» можно толковать как древнеиранское выражение «страна солнца». Нельзя ли предположить, что замок Кой-Крылган-Кала построен по типу этих древних сако-массагетских мавзолеев? Более того, не является ли он тоже мавзолеем, но мавзолеем грандиозным, мавзолеем не кочевого вождя, а хорезмийского царя, деспота, владельца огромного оазиса?

Действительно, строгая регулярность расположения залов и комнат нижнего этажа наводит на мысль о том, что здесь вряд ли жили люди. Если это храм, то где же святилище, где кумир или алтарь, центр всей храмовой постройки, на котором сосредоточивалось внимание верующих? Его нет. Зато есть загадочная «темная комната». Вспомним пирамиды Египта и царские гробницы у Фив. Покойника в них тщательно запрятывали, чтобы никто его не потревожил и не ограбил бы заваленные золотом погребальные комнаты, двери в склеп запечатывали. Кстати, и в Кой-Крылган-Кале были найдены оттиски на глине каких-то печатей. Вспомним, как плотно замуровывали комнаты одну за другой строители царской сокровищницы в Нисе. Если предположить, что в «темной комнате» похоронен был какой-то хорезмийский царь, то все станет понятным. Однако, как ни маскировали вход в «темную комнату», она все же была ограблена. Были пробиты своды, и грабители вынесли все ценное.

Реконструкция Кой-Крылган-Калы

Среди полей и виноградников Хорезмского оазиса высилась эта крепость-храм, крепость-мавзолей.

Как хоронили царя? Мы не знаем. Мы можем только высказать некоторые предположения.

На верхнем этаже археологи обнаружили следы сильного огня. Бушевал ли здесь пожар или горел огромный погребальный костер? Скорее всего, здесь сожгли труп, а вместе с ним и многочисленные культовые предметы (в этой части памятника найдено много терракотовых статуэток, миниатюрных сосудов, ритонов, предназначенных для культовых возлияний, керамики с изображениями сцен из мифов и т. п.). В сакских мавзолеях крестовидной планировки, о которых уже говорилось, захоронение производилось по обряду кремации. Но после того как погасли кровавые языки пламени погребального костра, лизавшие гроб владыки, во что спрятали его прах, как выглядела похищенная грабителями урна? Урны царя мы никогда не увидим, но в окрестностях Кой-Крылган-Калы были найдены обычные, рядовые урны для простых людей. Вот одна из них. На ней изображен сидящий мужчина (под ним ящичек для праха умершего). Лицо у него длинное, с огромными глазами, горбатым носом. Открытая грудь, короткий, запахнутый на левую сторону кафтан. Там, где были найдены подобные статуарные урны, находили угольки и недогоревшие остатки костей человека. Видимо, и царь был похоронен в урне такого же типа, только побольше и побогаче.

Из туманных догадок постепенно стала вырисовываться история крепости. Итак, был построен огромный мавзолей, предназначенный для погребения царя. Когда царь умер, на верхнем этаже мавзолея установили труп и развели большой погребальный костер. Потом собрали пепел в золотой или серебряный сосуд, вероятно, напоминавший по форме глиняные урны с изображением людей. Урну установили в «темной комнате». Потом комнату тщательно изолировали от внешнего мира, замуровали лестницы, которые вели в зал, соединявшийся с этой комнатой, и перепланировали верхний этаж так, чтобы совсем скрыть их от глаз.

Мавзолей хорезмийского царя был одновременно и храмом, и крепостью. Все подступы к нему тщательно охранялись, мощные стены были снабжены бойницами, а вокруг самого здания возвышалась вторая стена.

Перенеситесь в ту далекую эпоху, в IV—III вв. до н. э., когда эта крепость-храм, крепость-мавзолей воз-

выпалась среди полей и виноградников Хорезмского оазиса. Подойдите к ней с востока. Вас встретят две огромные, выдающиеся вперед башни и две стены, заходящие одна за другую. Чтобы попасть внутрь, вам придется пройти по узкому пространству между этими стенами, затем по небольшому вестибюлю и длинному узкому коридору. Со всех сторон на вас будут направлены луки охранников, малейшее враждебное действие вызовет град стрел. Каждого входящего ощупывают внимательные глаза стражи. Но чтобы войти в сам храм, подняться на его верхний этаж, вам понадобится пройти по пандусу, изогнутому вокруг небольшой башни. Она вся покрыта бойницами, и вы пойдете по этому круто поднимающемуся проходу на второй этаж, так что ваш правый бок будет повернут в сторону бойниц. Щит у вас висит на левой руке, вы беззащитны, и единственное ваше спасение — идти кратко и тихо, всем видом выражая почтение и лояльность...

Все комнаты нижнего этажа с урнами усопших царей и цариц тоже были замурованы. На верхнем этаже, восстановленном после погребальных костров, совершились какие-то культовые действия. Быть может, здесь поклонялись солнцу — у народов, хоронивших покойников по обряду кремации, было распространено обожествление солнца. Им представлялось, что, сжигая труп, они становятся сопричастными судьбе этого светила — божества.

Некоторые находки вызвали особый интерес. Среди них обломок керамического диска. По-видимому, весь диск имел три зоны, покрытые орнаментом. Во внешней начертаны треугольники, во второй — насечки через правильные расстояния, в третьей — одинаковые мужские головы, расположенные по кругу тоже через одинаковое расстояние. Были найдены и другие диски, без изображений, с одними насечками, а также кольцевидные ободки, в которых свободно вращались диски. Не примитивные ли это угломерные и астрономические инструменты типа астролябии? Один из таких инструментов через тысячу с лишним лет после сооружения Кой-Крылган-Калы описал великий хорезмийский ученый Бируни: «Высота в полуденном круге измеряется с помощью кольца, укрепленного в плоскости полуденного круга так, что плоскость кольца совпадает с плоскостью полуденного круга. Ее определяют с помощью алиадады, снабженной двумя диопт-

рами... Алидада может быть также круглой, и в этом случае ее внешняя часть касается внутренней части кольца и удерживается на поверхности кольца с помощью держателей на алидаде, скользящих по нему либо сверху и снизу (в виде скоб), либо в середине его внутренней части — в виде шипов, ходящих по расположенному против них пазу, выточенному в кольце. Это кольцо вместе с кругом алидады и есть те два кольца, о которых говорит Птолемей»⁸, — пишет Бируни, ссылаясь на инструменты эллинистического астронома Клавдия Птолемея. Астролябия такого типа была известна очень давно, и нет ничего удивительного в том, что она оказалась в Кой-Крылган-Кале. А диск с головами? Он тоже имеет аналогии. В египетском храме в Дендерах был найден круг со знаками Зодиака, в котором деление произведено четырьмя женскими фигурами в конце двух взаимно перпендикулярных диаметров. Между стоящими четырьмя фигурами по две сидящих с поднятыми руками, все они делят окружность на 12 частей.

Центрическая и округлая планировка крепости наводила на мысль о почитании астральных символов и астральных божеств — Солнца, Луны, звезд. А тут еще инструменты... От астрального храма-мавзолея один шаг до обсерватории, особенно в эпоху эллинизма, когда повсюду расцветала рационалистическая наука.

Вероятно, жрецы храма-мавзолея были и астрономами, наблюдали за положением планет и звезд на ночном небе, вычисляли в зависимости от этого сроки землемельческих работ, подобно египетским жрецам, следившим за Сириусом.

Действительно, бойницы верхней галереи были прекрасными смотровыми окнами. А здание было очень точно ориентировано по азимуту восхода солнца в середине периода между весенним равноденствием и летним солнцестоянием. Эта линия составляла прямой угол с направлением на яркую звезду Фомальгаут, которую весьма почитали на Востоке. Она была посвящена вавилонскому богу Эа — повелителю водной стихии и богу мудрости, связана в древних поверьях с водой; звезду эту посвящали Анахит — богине плодородия и вод, дающих земле жизнь. Множество фигурок Анахит с плодом граната или яблоком у груди было найдено в этой крепости-храме. Богине благодатной влаги был посвящен и

глубокий колодец, вырытый в полу того зала, который соединялся с сокровенной замурованной «темной комнатой». Это был не бытовой, а ритуальный колодец. Погребальные помещения с его помощью как бы соприкасались с землей, увлажненной грунтовыми водами,— священной стихией богини-матери Анахит.

Древние религии очень сложны и запутаны. Кроме Анахит в Средней Азии почитали Сиявуша — среднеазиатского Озириса — бога умирающей и воскресающей природы. Покровитель земледелия Сиявуш был убит злым Афрасиабом, но потом воскрес как божество земледельцев. С тех пор его смерть чередуется с воскрешением. Так умирают зимой и воскресают весной злаки, деревья, трава, цветы, виноград...

С героем-богом Сиявшем связан кульп всадника. Изображения всадника в десятках вариантов были найдены на развалинах крепости — то в виде рельефов на стенах больших фляг, то в виде статуэток из терракоты.

Когда склеивали большую статуарную урну, обнаруженную вблизи крепости-храма, обратили внимание на странный головной убор: из простой шапки торчали уши животного. Ушастые шапки-короны носили хорезмийские цари более позднего времени. Такими они предстают на монетах. На коронах восточных царей часто изображали символы и атрибуты различных божеств, главным образом покровителей династий. Покровителем хорезмийского царского рода был Сиявуш. Хорезмийские цари выводили свой род от его потомков и называли себя Сиявшидами. Не изображен ли на погребальных урнах сам бог Сиявуш? Или, быть может, погребенный хорезмиец перевоплотился в этого божественного персонажа?

Храм-мавзолей, храм-обсерватория, где астральные культуры сочетались с культурами божеств плодородия — Анахит и Сиявуша... Храм-крепость, тщательно охранявшаяся... Но где жили жрецы? Несколько позднее, после захоронения главного покойника, после того как была замурована и замаскирована «темная комната», пространство между основным цилиндрическим зданием и крепостной стеной было застроено десятками мелких комнат бытового, складского и хозяйственного назначения. Вот здесь-то и жили жрецы со своей прислугой, здесь находились под постоянной охраной храмовые рабы, размещались воины, несшие караул на стенах и в башнях

крепости, здесь держали запасы, увеличивавшиеся ежегодно за счет богатых приношений окрестных крестьян и горожан. Кладовые с огромными, расписанными красными спиралью хумами для вина или зерна, жилые комнаты с сосудами, врытыми в пол, с ямками и очагами. Остатки камышовых крыш, выкладки из кирпичей на полу, мельничные жернова и зернотерки, тысячи черепков посуды, бусы, обломки стекла, железные ножи, бронзовые пряжки, колокольчики, оселки, костяные предметы, терки, лощила, отбросы заполняют эти комнаты.

Но обратимся теперь к другому памятнику древнего Хорезма — Топрак-Кале. Огромный замок III — начала IV в. н. э. изучен достаточно тщательно. Это не храм. Топрак-Кала — развалины дворца хорезмшаха. Мы можем теперь разгуливать по его залам, касаться стен, садиться на суфы, бродить по коридорам, заходить в гарем и в казарменные помещения его башен, а в музеях рассматривать скульптуру и стенную роспись.

По длинному наклонному пандусу идем во дворец, стоящий на высоком цоколе (почти 14 м). Величественные его башни поднимаются более чем на 30 м. Стены украшены вертикальными пилястрами. Лучи солнца, освещая их, создают постоянно меняющуюся игру света и тени. Мы проходим мимо небольшой башенки, где находились стражники. У самого края крыши стоят большие алебастровые статуи. Входим во дворец и попадаем в парадный коридор, который ведет нас вдоль росписей с растительными побегами, цветами, плодами и травами в парадные залы. И вот мы в огромном зале — «Зале царей»⁹. Останавливаемся, пораженные величественным зрелищем. Напротив входа на высоких суфах и в нишах, отделенных друг от друга ажурными решетками, статуи хорезмийских царей в окружении их божественных патронов и царедворцев. Все статуи ярко раскрашены. На стенах роспись, тоже яркая, бросающаяся в глаза: на синем фоне белые и красные лилии...

Долго стоим мы перед этими молчаливыми изваяниями, затем переходим в соседнее помещение. Это огромный «Алебастровый зал». Его стены покрыты белой алебастровой облицовкой. Сворачиваем налево и попадаем в третий зал — «Зал побед». И снова мы перед скульптурными группами. Ниши украшены горельефами. Здесь представлены цари, над головами которых летящие Ни-

ки — богини победы — держат победные венки. Так изображали царей на монетах древнего Хорезма и Парфии. Так изобразили хорезмийских царей и в этом парадном и официальном зале.

Но пойдем дальше. Перед нами «Зал темнокожих гвардейцев». В нишах тоже статуи царей, а между нишами, у стен, на специальных волютообразных подставках — на двух огромных узорных завитках — парные фигуры темнолицых воинов в панцирях и со щитами. Кто эти смуглые гвардейцы, которые оказались изображенными в комнате хорезмийского царя? Предполагали сначала, что это негры-рабы, привезенные из Африки и составлявшие гвардию царя. Позднее говорили, что это представители смуглых дравидоидных племен Индии (связи с Индией особенно в Кушанскую эпоху были очень тесными).

Входим в следующее помещение — «Зал оленей». На его стенах скульптурный фриз с изображением оленей, пасущихся среди деревьев и виноградных лоз. Над этим фризом другой: фантастические грифоны с орлиными клювами, большими крыльями, мощной грудью и звериными лапами.

Наконец, перед нами самый загадочный зал. Огромное квадратное помещение, в стенах ниши, но в них не цари, не воины, не боги, и даже не жены царей, и не царедворцы. В них в вихре вальса кружатся пары... Стойкие, изящные женские ножки выглядывают из-под взметнувшегося подола длинного платья. Ноги кавалеров в аккуратных сапожках четко выделяют танцевальные па. Но вместо лиц... безобразные морды. Это маски. Посмотрим на одну из них. Узкое лицо, длинная борода, тонкий нос, большие миндалевидные глаза, словно у выходца из Ассирии или древнего Вавилона. К тому же козлиные уши. Вот другая маска — черное лицо, круглые выпуклые глаза — какое-то фантастическое существо. Это участники мистерий. Мы знаем, что в Средней Азии всюду почитали бога вина Вакха-Диониса. Вероятно, в посвященном Дионису зале Топрак-Калы были изображены вакхические танцы.

Проходим далее по нескольким маленьким комнатам. Перед нами открывается длинный прямой коридор с аркой в конце. Мы вступаем в частные покой дворца, быть может, это женская половина — гарем. Роскошное убранство, массивные статуи и бросающаяся в глаза роспись

сменяются камерным, мягким, изящным декором. Двери из небольшого зала с круглыми нишами ведут в маленькие комнаты — спальни жен и детей.

Рядом с гаремом комнаты, в которых, вероятно, жили рабы и прислуга, а за глухой капитальной стеной — мастерские оружейников, где делали луки. Здесь зарыты в пол хумы, в них отмачивали костяные детали этого оружия. Тут же склад боеприпасов.

В комнатах много росписей. Тихие, грустные царевны с прекрасными большими глазами, тонкими губами, мягким овалом лица. В знаменитой комнате «тигра и фазана» мы видим этих животных, изображенных в реалистической манере на красных стенах. В другой комнате перед нами предстает арфистка. Вот сцена сбора винограда, вот царь в головном уборе в виде хищной птицы с жезлом. Интересна комната с фигурами лошадей на красных стенах. В одном из помещений мы встречаем рельефные изображения Анахит — в уже знакомом нам образе богини-матери с плодом граната, прижатым к груди, а в кулуарах одного из парадных залов — такой сюжет: молодой юноша несет свитки — это царский писец. На его шапке знак хорезмийской династии Сиявушидов. Мы хорошо знаем его по монетам царей древнего Хорезма.

Писцы заполняли деревянные дощечки и кожаные свитки списками бесчисленных поступлений дани в царские хранилища, выдавали квитанции, вели учет. Архив таких документов был найден в Топрак-Кале.

Эпоха, о которой мы ведем речь, была временем непрерывного давления на оседлые оазисы кочевой варварской периферии — степныхnomadov. Дает оно о себе знать и в Топрак-Кале. В «Зале оленей» мы вдруг видим типичного скифо-сарматского оленя с особо переданными, стилизованными огромными рогами. Фон на портретах придворной дамы или царицы в одной из жилых комнат заполнен небольшими красными сердечками — так заполняли фон живописцы в боспорских склепах, вероятно, под влиянием сарматизации быта и искусства этой греческой колонии.

Но Топрак-Кала, твердыня оседлого цивилизованного античного государства, еще гордо высится среди орошенных, тщательно возделанных полей Хорезмского оазиса. Глядя на историю первых веков нашей эры с очень большой дистанции, мы видим, что рабовладельческий

мир, собрав все свои силы и ресурсы, консолидировался в четыре большие мировые империи. Это государство Хань, ближе к западу империя Кушан —ластителей Средней Азии и Северной Индии, далее Парфия, захватившая Иран и Месопотамию, и, наконец, могучий Рим.

Римские монеты доходят до берегов Индии, китайский шелк идет на запад, прокладывая огромную трансконтинентальную торговую магистраль.

Эти четыре колосса ещеочно держатся на ногах. Но кризисы, восстания и мятежи подтачивают их изнутри. А на их границах бушует и становится все опаснее океан бескрайних кочевых степей, заселенных варварами-кочевниками, жаждо смотрящими на богатства древних античных городов и дворцов. Их глубокие рейды в пределы рабовладельческих империй — доста точно тревожный симптом. Лучшие умы античности понимают обреченность своей цивилизации. Наконец, наступает катастрофа. В Европе — завоевания германцев, галлов и гуннов, в Причерноморье — крушение и варваризация античных колоний-городов, в Средней Азии — падение Парфии, Кушанского царства, нашествия хуннов, тюрков, эфталитов и др.

КОЧЕВНИКИ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ

От Памира и Байкала на запад до Дуная тянется великая евразийская степь. Всюду равнинные сухие или полусухие пространства, пересекаемые всхолмлениями, реками или массивами лесов. Еще в бронзовом веке наметились черты сходства между населением западных и восточных районов этой географической зоны. Когда же сложились кочевой быт и хозяйство, когда в степи пришли племена в высшей степени подвижные, сходство это еще более усилилось. Греков соединяла великая морская стихия. Кочевников соединяло сухое ковыльное море, и его взад и вперед бороздили их кибитки. Объединяющее воздействие степи особенно сильно сказалось в скифскую эпоху.

«Скифы-кочевники жили сначала в Азии. Потом были потеснены во время войны с массагетами и, перейдя речку Аракс, удалились в Киммерийскую землю (ведь та земля, которую ныне занимают скифы, была, говорят, некогда Киммерийской). При наступлении скифов ввиду их многочисленности киммерийцы собрались на совет, как им быть; мнения разделились, причем обе стороны упорствовали. Разумнее было предложение царей; по мнению народа, следовало покинуть страну и из-за праха не подвергать себя опасностям; цари предлагали биться за землю с пришельцами. Однако народ не внял совету царей, а цари — мнению народному. Народ решил покинуть страну, без боя передав ее пришельцам; цари же решили полечь мертвыми на своей земле и не убегать, памятая блага, которыми пользовались они (в своей земле) и сколько бед, вероятно, постигнет их, когда они убегут из отчизны. Порешив так, цари разделились на две равные по численности стороны и вступили в бой между собой. Когда цари перебили друг друга, то народ похоронил их на реке Тире (Днестр) — могила их вид-

на еще и теперь — и, похоронив их таким образом, удалился из страны. Пришедшие скифы заняли пустую страну», — так сообщает Геродот о драматических событиях, связанных с появлением скифов в степях Северного Причерноморья. Киммерийцы оставили ряд названий (Боспор Киммерийский, Киммерийские стены) и ушли, видимо, в Азию, на юг. Преследуя их, скифы тоже вторглись в страны Древнего Востока.

«...Вот идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли. Держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны, голос их шумит как море, и несутся они на конях, выстроенные как один человек, чтобы сразиться с тобою, дочь Сиона. Мы услышали весть о них, и руки у нас опустились, скорбь объяла нас, муки, как женщину в родах. Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятелей, ужас со всех сторон»¹.

Перед варварами-кочевниками — этой неудержимой лавиной людей, сросшихся с лошадьми, этими воинственными кентаврами, опьяненными кумысом и кровью, оказывались беззащитными оседлые горожане. Через века прошел этот страх мирных жителей долины, трудолюбивых ремесленников перед страшным витязем-степняком. Пророки Иудеи и средневековые писатели, арабские географы и католические монахи-хроникиры, русские летописцы и китайские историки донесли до нас их стенания и жалобы.

Из своих походов скифы привозили много сокровищ. Искусство Урарту, Ассирии оказало на них очень большое влияние. Под его воздействием в конце VII—VI вв. до н. э. стало складываться собственно скифское искусство. Загадочное, своеобразное, полное мощи и экспрессии, искусство «звериного стиля» было глубоко оригинальным и неповторимым. Оно ярче всего свидетельствует о культурно-историческом единстве евразийских степей.

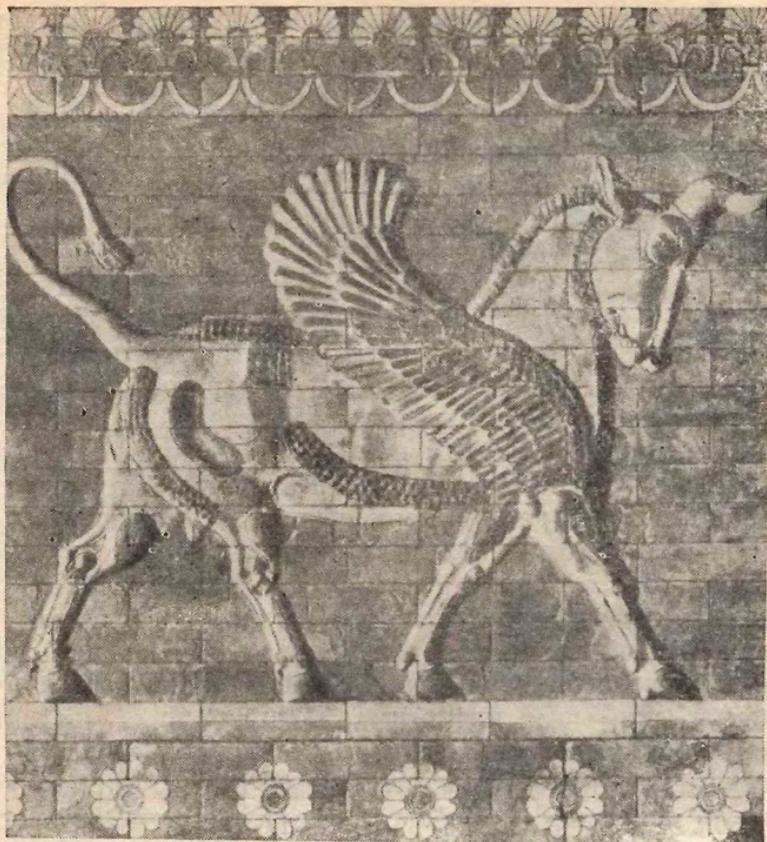
В XVIII в. впервые были обнаружены сокровища, погребенные в курганах скифских царей. В XIX—XX вв. мир потрясли новые находки в кочевнических курганах скифской эпохи — в степях Украины, Казахстана, Алтая, Сибири и Монголии. И везде бросались в глаза олень с поджатыми ногами, с вытянутой вперед мордой, огромными, закинутыми назад рогами, летящий над безбреж-

ными кочевыми просторами, пантера, свернувшаяся в клубок, и хищники, терзающие травоядных либо вступающие в бой друг с другом.

В 1763 г. был раскопан так называемый Литой курган на Нижнем Днепре. Это оказалась гробница скифского вождя VI в. до н. э. Среди прочих вещей был найден меч в ножнах с золотыми обкладками. На пластинах были изображены фантастические звери. Эти знаменитые ножны стали классическим примером соединения элементов древневосточного искусства с только что родившимся скифским. Один за другим величаво вышагивают фантастические восточные крылатые четырехногие существа. Они натягивают лук и стреляют, целясь куда-то вперед. У одних тело льва, хвост скорпиона, голова грифа с гребнем, у других тело быка, а голова человека со звериными ушами, у третьих туловище львиное, а хвост скорпионий. Крылья у всех в виде рыб, а руки как у человека. В нижней части ножен изображены два льва, злобно рычащие друг на друга, а наверху, между двумя священными деревьями, мы видим алтарь. Два гения стоят по бокам, в руках у них кадильницы. Такие гении встречаются на ассирийских произведениях искусства. И среди этих фигур олень на большом окружном выступе ножен, скифский олень, чей образ был самым распространенным в искусстве евразийских степей, мифический волшебный олень в той загадочной позе, которую считали то позой лежащего зверя, то несущегося в галопе, то летящего.

Великолепный олень был найден в скифском кургане VI в. до н. э. на Северном Кавказе, у станицы Костромской. Это большая золотая бляха, прикреплявшаяся к панцирю или щиту. Точно рассчитаны все линии, все формы — устремленной вперед, вытянутой голове олена противостоят мощная шея и тяжелые, закинутые назад рога в виде S-образных завитков. Скифы, наверное, верили, что, поместив такую бляху на щите воина, они тем самым призовут звериного предка, тотема, духа, какие-то сверхъестественные силы на помощь воину, сделают олена его защитником и охранителем. В стремлении наделить животных способностью к активной деятельности особенность искусства скифов, его смысл.

Другая знаменитая золотая бляха VI в. до н. э. в виде пантеры была найдена тоже на Северном Кавказе,

Изображение единорога

Поливные плитки. Сузы

на Кубани, у станицы Келермес. Плавные закругленные линии, точно расставленные акценты, все совершенно и гармонично в этом замечательном произведении скифского искусства. Небольшое острое ухо пантеры украшено разноцветными вставками — они контрастируют с однотонной золотой поверхностью тела. Мощные лапы и хвост завершаются полосой, украшенной фигурами свернувшихся хищников,— характерный для скифского искусства прием совмещения нескольких изображений зверей на теле одного животного.

С V в. до н. э. в степном искусстве становятся популярными сцены терзания — мотив, распространявшийся, возможно, под влиянием Древнего Востока.

Статичные, мощные, малоподвижные фигуры воплотили в себе дух деспотических косных монархий Востока. Жестокую власть, агрессивность устремлений, порабощенность личности — вот что должны были передавать огромные чудовища на стенах дворцов и храмов в Сузах, Ниневии, Вавилоне, огромные, колоссальные, безжалостные и спокойные, идущие неизвестно куда и вечно остающиеся на одном месте.

Когда греки, одни как пленные или эмигранты, другие позднее как победители, входили в Персепольский дворец, их встречали огромные каменные барельефы — львы, встав на задние лапы, терзают единорогов, которые, обернувшись, яростно смотрят на хищников.

У скифов эти мотивы нашли совсем другое выражение. Сцены стали необычайно динамичными, фигуры стремительными, экспрессивными, выразительными.

Особую художественную силу приобрело искусство Причерноморья в последующую эпоху, когда восточное влияние сменилось здесь ярко выраженным греческим. Родилось особое греческое искусство с характерной для эллинов свободой в воспроизведении жизни, но подчинившееся скифским интересам, выполнившее скифские заказы, использовавшее сюжеты и мотивы, близкие кочевникам, им понятные и любимые ими. Лучшие образцы этого искусства, имеющего непреходящую художественную ценность, найдены в царских курганах IV в. до н. э.

Сенсацией было открытие рядом с городом Пантикеем (около современной Керчи) гробницы скифского царя в Куль-Обе. Огромный холм, покрытый каменными глыбами, долго служил местом для добывания камня. В 1830 г. Дюбрюкс, который наблюдал за проводившимися работами, предположил, что это не естественный холм, а гробница. Он не ошибся. Вскоре открылся массив каменной кладки и узкий проход в склеп, а в конце его таинственная дверь, заложенная камнем. С замиранием сердца разбирали исследователи кладку, и наконец перед их взорами предсталася камера склепа. Но, когда они спустились вниз, их постигло разочарование. «Разрушенные доски и бревна, изломанный катафалк, вероятно служивший ложем трупу погребенной здесь женщины, повреждение стен, частью уже облупившихся, частью угрожавших падением,— все это заставило меня сказать..., что склеп уже обыскан»,— писал Дюбрюкс². Однако его за-

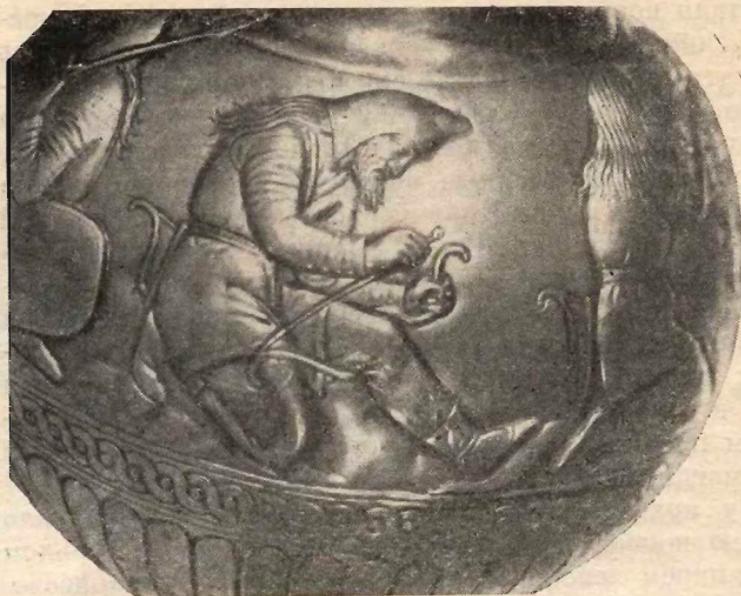
ключение было поспешным. Погребения оказались нетронутыми. И когда приступили к их расчистке, одна за другой стали появляться на свет вещи изумительной красоты. Расчистили главное мужское погребение — здесь лежал знатный воин, вероятно скифский царь, почти двухметрового роста: на голове войлочная шапка, покрытая золотыми бляшками, на шее массивная золотая гривна, на ее концах великолепные фигурки скифов верхом на конях, на ногах и руках тонкой работы браслеты, на всей одежде золотые бляшки. Рядом оружие: меч, лук и стрелы. На луке золотые пластины от налучья, так называемого горита, на них вытеснены сцены борьбы зверей и фантастические животные. Тут же кожаная нагайка, оплетенная золотой лентой. Даже точильный камень был вставлен в золотую оправу. Рядом находился золотой сосуд весом 698 г, украшенный изображениями бородатого скифа и маски медузы.

Любому археологу одного такого погребения хватило бы на всю жизнь. Но в Куль-Обе было еще два, рядом с воином-царем лежала женщина в гробу из кипарисового дерева. От него сохранились костяные накладки с тонкой и изящной гравировкой со следами раскраски. На женщине платье, расшитое множеством золотых блях. На голове электровая диадема. Тут же упоминавшиеся серьги с головой Афины. На шее женщины гривна из золота. На руках широкие золотые браслеты. Рядом зеркало с золотой ручкой. На нем изображены звери. В ногах погребенной стоял электровый сосуд — знаменитая Куль-обская ваза. Много писали об этой замечательной вазе. То, что на ней изображены скифы, ни у кого не вызывало сомнений: штаны и костюм, шапки и оружие — все типично скифское. Но почему такие странные сцены? Царь или военачальник, опираясь на копье, слушает другого воина, далее воин натягивает тетиву на лук, затем один скиф лечит другому зуб, и, наконец, один скиф перевязывает другому ногу. Было высказано предположение, что это не просто сцены быта, а композиция, связанная с легендой о происхождении скифов, переданной Геродотом.

Геракл, гоня быков Гериона, пришел в область Понта и попал к местной богине. У них родилось три сына. Когда Геракл собрался уходить, богиня попросила у него совета: что делать с сыновьями? Геракл ответил: «Когда

Сцены на вазе из кургана Куль-Оба

Золото. IV в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Человек натягивает лук.

Агафирс и Гелон получили удары сорвавшимся луком, один нижним концом по левой голени...

другой верхним концом лука по щеке, и ему выбило зуб.

Царь Геракл в диадеме беседует с победителем — Скифом.

ты увидишь сыновей возмужавшими, поступи лучше всего так: посмотри, кто из них натянет вот этот лук и опояшется по-моему поясом, тому и предоставь для жительства эту землю, а который не в состоянии будет выполнить предлагаемой мной задачи, того вышли из страны. Поступая так, ты и сама останешься довольна, и исполнишь мое желание». Сыновья получили имена Агафирс, Гелон и Скиф. Когда пришло им время стать мужчинами, богиня предложила детям испытать силу и дала братьям отцовский лук. Старшие оказались слабыми, и она изгнала их. Младший справился с отцовскими луком и остался в родной стране править. От него и произошли скифы припонтийских степей³.

Присмотримся теперь к Куль-обской вазе. Один человек натягивает лук — это как бы пролог ко всему мифу. Затем показаны два неудачливых брата Скифа, которые не натянули лук и получили травмы. Предложивший это объяснение сцен Д. С. Раевский сам пробовал натянуть подлинный сложный лук, аналогичный скифскому, взяв его в Московском историческом музее, и избежал указанных на Куль-обской вазе травм только потому, что действовал очень осторожно, боясь испортить музейный экспонат (к тому же от времени лук ослабел). А вот Агафирс и Гелон получили удары сорвавшимся луком, один нижним концом по левой голени, другой верхним концом по щеке. Последнему, видимо, выбило зуб. Именно сцены врачевания этих травм и находим мы на суде. Далее царь Геракл беседует, очевидно, с победителем Скифом, удостоившимся чести быть изображенным вместе со своим божественным отцом.

Греческий историк со слов эллинов, живших у Понта, рассказал нам миф о происхождении скифов. Греческий мастер из Пантикалея изобразил сцены из этого мифа на драгоценном сосуде, который предназначался для скифского вождя.

Через несколько десятков лет после раскопок Куль-Обы под Воронежем был найден аналогичный сосуд. Такая же форма и сходные изображения скифов. Тот же, видимо, сюжет: трижды изображен бородатый герой Геракл, он протягивает руку с двумя прижатыми пальцами стоящему на коленях спиной к нему скифу с копьем, убеждает в чем-то другого собеседника, при этом держит плетку и, наконец, передает лук третьему скифу.

Геракл беседует, вероятно, со своими сыновьями. Первого он изгоняет из страны, показывая ему на пальцах число три,— на столько частей делится земля для трех братьев, второму он предлагает тоже покинуть страну, младшему, безбородому, Скифу дает символ власти — лук. Это как бы окончание рассказа, начатого на вазе из Куль-Обы.

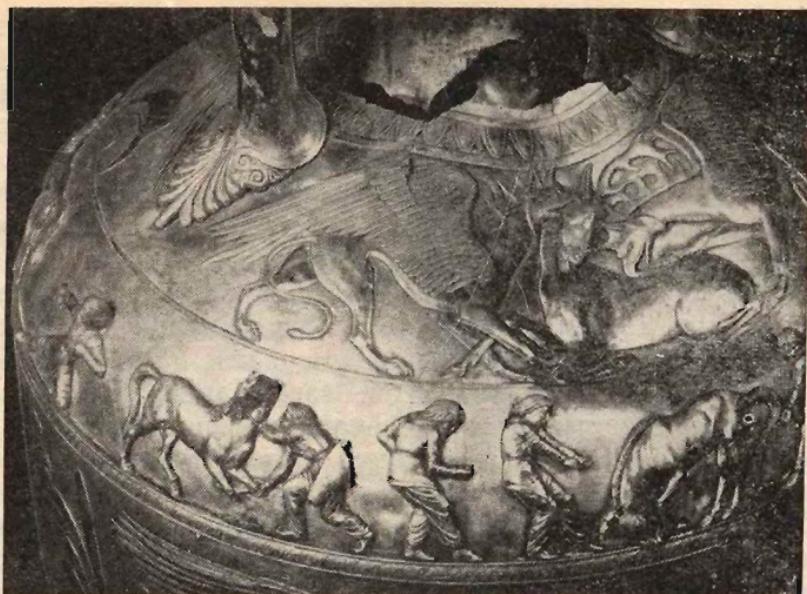
Вокруг похороненных в этом кургане людей стояло множество прекрасной серебряной посуды с чеканкой и позолотой — львы терзают оленей, дикие гуси поедают рыб — любимые скифами сцены борьбы и терзаний в животном мире, но исполненные греками, с их свободой и реализмом в передаче движений, стремлением выразительно и точно показать объемы тела.

Три дня непрерывно работали исследователи, расчищая склеп, окруженные толпой любопытных, всячески мешавших им. Дюбрюкса чуть не убил сорвавшийся с потолка склепа камень. К ночи почти все было сделано, оставалась лишь небольшая часть гробницы. Решили переночевать дома, а вход завалили камнями и поставили охрану. Полицейские, не желая мерзнуть в холодную осеннюю ночь, покинули пост. Пришедший наутро Дюбрюкс с ужасом обнаружил, что камни отвалены, плиты пола выворочены и вся оставшаяся нерасчищенной часть склепа ограблена. Лишь спустя несколько недель удалось найти кое-какие вещи — среди них была знаменитая бляха в виде оленя, к шее которого прижата собака, а вместо хвоста изображена птичья головка. На туловище животного древний художник поместил льва, грифона и прыгающего зайца.

Николай I приказал заплатить вернувшему этот похищенный предмет 1200 рублей, надеясь, что вскоре принесут и другие вещи. А бляха была на редкость красивой и, пожалуй, самой скифской из всего, найденного в Куль-Обе. Греческий мастер следовал здесь схеме, сложившейся в древнескифском искусстве. Суть ее в «зооморфных превращениях». Скифские художники как бы конструировали новое существо из частей реальных животных, усиливали одно животное характерными частями другого. Олень из Куль-Обы дополнен грифоном и львом, ему приданы также свойства зайца и птицы. Владельца этой бляхи охраняло не одно животное, а те мистические силы, которые «жили» в «дополнительных» зверях.

Грабители Куль-Обы проникли в не обнаруженный Дюбрюксом тайник, где лежала кроме пластины в виде оленя еще массивная золотая шейная гривна с львиными головами на концах. Они разделили ее на три части. Удалось потом найти только концы. Тут же была обкладка горита из золотого листа. Дюбрюкс обнаружил позднее только его обломки.

Древним богатым гробницам всегда угрожал один и тот же враг — грабители. Чудом сохранился курган Куль-Оба, но судьбе было угодно, чтобы и его ограбили, уже после раскопок. Большинство скифских богатых курганов ограблено было еще в древности. В одном таком кургане даже удалось найти самих грабителей. Это случилось при раскопках И. Е. Забелиным в 1862—1863 гг. скифского кургана Чертомлык, расположенного у днепровских порогов, там, где, по Геродоту, скифы имели обыкновение хоронить своих царей. После долгих и трудных раскопок, поглотивших массу сил и денег, исследователи добрались до большой царской могилы. Но она оказалась совершенно пустой! Грабители ее полностью очистили. Они забрались туда сразу же после похорон (быть может, даже участвовали в них и хорошо знали, как устроена гробница и где расположены драгоценные предметы). Но когда археологи расчистили грабительский лаз, они почувствовали себя отмщеннымми. Один из грабителей не успел вылезти, и земля, обвалившись, погребла его заживо. Остальные, видимо, в ужасе бежали. Наверное, им показалось, что это мстил дух царя, только что погребенного в кургане. У костиака грабителя лежали остатки сокровищ: множество золотых блях от одежд, шесть мечей с золотыми обкладками рукоятей, золотая обивка ножен с изображением битвы греков со скифами и горит с золотой пластиной. На ее верхнем фризе показана борьба животных — пантера терзает козла, лев и пантера терзают оленя и т. п. В двух широких средних фризах изображены сцены из мифа об Ахилле. Матери Ахилла — богине Фетиде — было предсказано, что сын ее отправится на Троянскую войну, совершил там массу подвигов и погибнет. Она решила не отпускать его и спрятала, переодев женщиной, среди дочерей царя Ликомеда. Но ахейцы, которые терпели поражения у стен Трои, послали за Ахиллом хитроумного Одиссея. Тот под видом торговца пришел к дочерям царя, разложил товары, среди ко-

Деталь сосуда из кургана Чертомлык

Сплав золота и серебра. IV в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Крылатые грифоны раздирают оленей, ниже — фриз со сценами из жизни скитов.

торых были украшения и оружие. Когда дочери царя, а среди них и переодетый юный Ахилл смотрели эту выставку торговца Одиссея, его спутники подняли боевой крик. Ахилл схватился за меч и тем самым выдал себя. Ему ничего не оставалось, как пойти в лагерь ахейцев у Трои, где он снискал бессмертную славу своими подвигами.

На знаменитом изделии греческого мастера мы видим молодого героя, обучающегося стрельбе из лука, Одиссея и напуганную Диадамию, у которой к этому времени от Ахилла родился сын, жену царя Ликомеда, паконец, самого героя, выхватывающего меч и сбрасывающего женские одежды. Далее следует изображение прощания Ахилла с семьей Ликомеда и сцена примирения могучего героя с ахейским царем Агамемноном, с которым он поссорился из-за троянской пленицы — прекрасной Брисеиды. Эта ссора длилась очень долго, пока не погиб Патрокл и доспехи Ахилла, взятые им, не достались Гектору, сыну Приама — царя Трои. Мать Ахилла Фетида

подарила сыну новые доспехи, выкованные Гефестом. На горите изображен тот момент, когда Ахилл их надевает. Рядом на троне Агамемнон. Кончается рассказ траурной сценой — урну с прахом сраженного стрелой Ахилла уносит, горестно опустив голову, Фетида.

Итак, центральная могила Чертомлыка была безжалостно ограблена. Но оказалось, что грабители не проникли в боковые погребения. А там имелось немало ценного. Особенно богатыми были могилы наложницы и виночерпия царя. На наложнице археологи обнаружили золотую гривну, браслеты, перстни, рядом с ней находилась большая серебряная с позолотой ваза с чеканным узором. В нижней части вазы располагалось три отверстия для слива жидкости, на этом месте были скульптурные головы львов и Пегаса. Вверху шло два пояса изображений. На первом крылатые грифоны раздирают олешей, ниже скифы ловят коней, стреноживают их и дрессируют. Под ними роскошные растения, среди которых художник изобразил птиц.

Стройные пропорции, соразмерность деталей, изысканные линии рисунка, пластичность и живость рельефных фигур — все это ставит Чертомлыкскую вазу, гордость нашей археологии, в один ряд с замечательными образцами греческого припонтийского искусства.

Через 50 лет после Чертомлыка мир был потрясен открытиями, сделанными в другой, соседней скифской гробнице — в кургане Солоха, которую раскопал один из самых удачливых русских археологов Н. И. Веселовский в 1912—1913 гг. Огромный курган (более 18 м в высоту) тоже был ограблен. Много волнений пережили раскопщики, постепенно, в течение нескольких месяцев открывая пространство огромной могилы глубиной 6 м и площадью 27 м². Вот оброненная грабителями золотая булавка, а вот бляшка от женской одежды, тоже из золота. Неужели грабители начисто обобрали мертвых царей и царицу? Но, наконец, расчищено боковое погребение — там оказались медный котел и приспособление для поджаривания мяса, а рядом два лошадиных костища, напичники в виде золотых рыб и крыльев птицы. Немного, если сравнивать с соседним Чертомлыком! Утешало, что кроме центральной могилы есть еще одна, ниже. Но деньги подходили к концу, и раскопки отложили на следующий год. Пришел новый сезон, и была обнаружена вто-

рая большая могила, где покоился скифский царь, его слуги и виночерпий. Она оказалась неограбленной! И археологи увидели золотые вещи — одна другой красивее. Был найден золотой горит, украшенный несколькими поясами изображений. На верхнем поясе традиционная сцена терзания львом и грифоном беззащитного оленя, на главном фризе бой пеших и конных воинов. Это скифы в варварских одеждах. Они сражаются скифским оружием — короткими мечами-акинаками. Все всадники с бородами, все пешие без бород. Были извлечены из земли царский меч с золотым эфесом и ножнами, золотой браслет, золотая гривна, серебряные сосуды и остатки деревянного сосуда, обитого золотой пластиной. На одном сосуде изображены скифы, охотящиеся на львов. Скифам помогают собаки. На большом плоском фаларе традиционный скифский мотив — львы терзают козла. И вдруг археологи увидели ослепительный, роскошный и вместе с тем изысканный, изящный и тонкий золотой гребень. На нем сражающиеся воины-скифы. На всадниках кроме скифского одеяния греческие шлемы, на пеших поверх войлочного кафана панцири. У воинов щиты, мечи и копья.

Куль-Оба, Чертомлык, Солоха... Закончились ли на этом открытия царских скифских гробниц? Нет, они продолжаются, и, быть может, главные находки еще в будущем.

К числу недавних сенсаций относятся раскопки Мелитопольского кургана, проведенные А. И. Теренежкиным в 1954 г. Здесь были найдены горит и золотые пряжки от портупеи. Золотой горит как две капли воды походил на пластину из Чертомлыкского кургана (это была третья: вторую нашли еще раньше в Винницкой области). Пластины были оттиснуты на одной бронзовой матрице. Их изготовил какой-то греческий мастер, живший на берегах Понта. Недаром он избрал героем сцен, изображенных на горите, Ахилла. Мифы об этом герое были популярны на берегах Черного моря. В устье Дуная существует остров Змеиный, в древности его называли островом Левка. Сюда якобы перенесла Фетида с погребального костра воскресшего Ахилла, и он долго еще жил здесь. У Днепровского лимана есть коса, которую греки называли Ахилловым дромом. Герой якобы праздновал тут боевую победу и устроил состязания в беге. Впоследствии жители Ольвии проводили в этих местах спортивные иг-

ры, посвящая рекорды своих атлетов юному полубогу, покровителю морского дела, не знавшему границ ни в гневе, ни в силе, ни в смелости в бою.

В 1959 г. на Дону, у станицы Елизаветинской, был раскопан В. П. Шиловым большой царский курган из группы, называвшейся «Пять Братьев». Там был найден еще один горит со сценами из жизни Ахилла — точная копия чертомлыкского, четвертый из этого блестящего семейства. Он лежал при скелете молодого скифского царя в не тронутой грабителями могиле. Возле царя был обнаружен кроме горита меч в золотых ножнах. Так же как и горит, пожны являлись точной копией чёртомлыкских, только лучше сохранились. Перед археологами через два с половиной тысячелетия предстали сцены жестокого боя: грек-военачальник, призывающий на помощь подкрепление, и скиф, который занес над его головой меч; раненый грек и его товарищ, поддерживающий друга и пытающийся отвести меч врага; грек, ведущий тяжелый бой с всадником и пешими скифами; всадник, спешащий на помощь раненому скифу; пораженный стрелой в колено грек, пытающийся вытащить стрелу зубами, и, наконец, конь, мчащийся в ужасе прочь и волокущий скифа, зажавшего в руке поводья.

Последние по времени ошеломляющие находки — два замечательно богатых, сказочно богатых скифских захоронения, открытые советскими археологами на Украине. В 1969 г. В. И. Бидзили раскопал скифский царский курган Гайманова могила в Запорожье. Была снята девятиметровая насыпь, облицованная мощными каменными плитами. Под ней на каменной вымостке открылись остатки по-царски роскошной тризы — множество амфор, скелеты убитых лошадей, украшения, оружие. Входы в саму гробницу были заложены колесницами с громадными колесами. Грабители проникли в склеп и все там перевернули вверх дном. Но все же удалось установить, что в центральной камере были погребены трое знатных мужчин в кожаных башмаках с золотыми нашивками, а в боковой была похоронена женщина, ее богатый саркофаг был расписан и украшен золотыми накладками. При мужчинах находилось оружие. У входа лежали останки боевого коня и скелеты двух юношей-слуг.

Грабители не все смогли унести, поскольку к тому моменту, когда они забрались в склеп, часть его уже об-

рушилась и погребла кое-что из вещей; набор амфор, изделия из бронзы — блюдо, большой литой котел, в котором варили конину, маленький котелок, таз, ситечко, кувшин с изображением сатира и Вакха, жаровня, килик для питья вина, ведерко и многое другое. Не заметили или пропустили грабители тайник с высококхудожественными, великолепными, редчайшими изделиями из золота и серебра, блестящими творениями греческого искусства!

Две деревянные чаши, облицованные золотом, с изображениями оленя на одной и виноградных лоз — на другой; серебряный рог для вина с головой барана на конце; серебряная позолоченная чаша с головками баранов на ручках. Ее туловище украшают рельефы: два беседующих воина с оружием и в богатой одежде. Один воин в руках держит цептку, другой — булаву, — наверное, правители скифов. Между ними меч, а опираются они на щиты. На другой стороне тоже беседа, но старика-воина с молодым скифом. С боков чаши изображены два скифа — пожилой стоит на коленях, рядом с ним колчан со стрелами, молодой тоже стоит на коленях, он тянет вино прямо из бурдюка — по-скифски, не разбавляя (греки, желая выпить крепкого вина, говорили рабу — «подскифь»).

Прошел год, наступил полевой сезон 1971 г., и снова сенсация. Б. Н. Мозолевский и Е. В. Черненко раскопали огромный скифский курган Толстая могила в районе Днепропетровска. Была найдена не тронутая грабителями могила. В ней лежала скифская царица с маленьким сыном. Оба костяка были усыпаны бесчисленными золотыми украшениями. Тут же находились останки тех, кто сопровождал царей в мир иной: «охотник-воин», «возничий», «кухарка». При них посуда и оружие, обломки повозки.

Художественная ценность таких предметов, как шапочка царицы, обшитая золотыми бляшками, бляшки с орнаментами на длинной рубашке и изящных сапожках, серьги с изображениями богини на троне, браслеты, гривна, перстни, огромна. Но, пожалуй, к самым замечательным произведениям искусства можно причислить золотую пектораль — массивное нагрудное украшение. Ее нашли не при царице, а вместе с мечом в золотых ножнах в маленьком коридорчике, который вел к центральному, увы, ограбленному погребению. Там был захоронен царь. Археологи обнаружили панцирь, оружие, золотую нагайку, железный пояс и, конечно, множество золотых

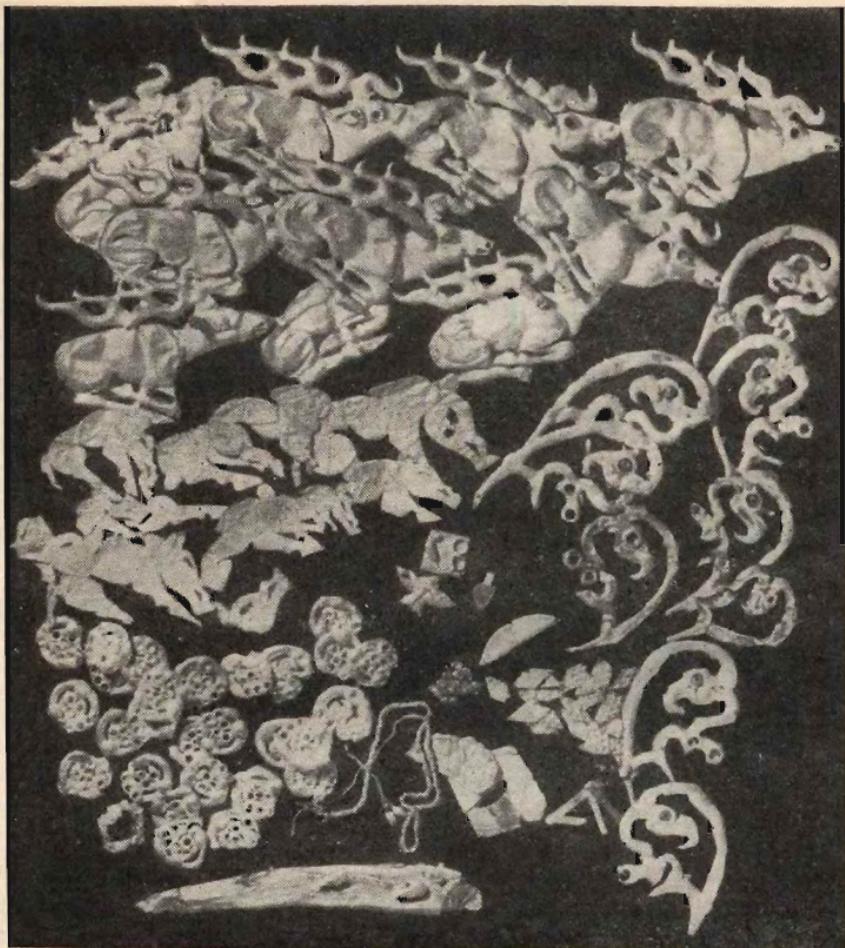
украшений. Целая, без единого дефекта, не тронутая грабителями, пролежала пектораль в земле почти 2500 лет. И вот она перед нами, в музее, среди тех вещей, которыми будет неустанно восхищаться человечество, сколько бы тысячелетий оно ни просуществовало.

Несколько орнаментальных поясов украшают эту пектораль, между ними рельефные изображения, выполненные греками со свойственными им реализмом и экспрессией. Два сюжета разрабатывает мастер на этом изделии: один — традиционные сцены терзания крылатыми грифонами и хищниками травоядных: лошадей, оленей, кабанов. Когти и зубы, клыки и клювы впиваются в кожу, в тело мирных животных, напрягаются мускулы, обессиленно подгибаются колени полумертвых жертв. Вверху, в дуговидном пояске, сцены из жизни скифов: они обрабатывают кожи, пасут лошадей. Жеребенок сосет корылицу, вот овца, а рядом скиф с какой-то баклагой. Вспоминается Чертомлыкская ваза, когда смотришь на это украшение со сценами из скифского быта. Чертомлыку подобен этот курган и по своему богатству. Вообще IV в. до н. э.— блестящий скифский век, оставивший нам так много изумительного золота и серебра.

* * *

Скифы были лишь западной ветвью огромного степного кочевого мира. К востоку жили родственные им сарматы, еще дальше в Казахстане и степях Средней Азии — кочевники саки и массагеты, в Южной Сибири — степные племена, находившиеся примерно на той же стадии общественного и экономического развития. У скифов, кочевавших в непосредственном соседстве с мощными городскими центрами эллинов, культура и особенно искусство были эллинизированы. Чтобы найти подлинное искусство кочевников, надо отправиться на восток.

В богатых могилах вождей сарматов и саков найдены сотни блях, фигурок, украшений. И во всех вещах, в каждом выступе предмета, в обушенке клевца, навершии ножа, венчике котла, рукоятке гребня — везде как бы таится дух животного, готового в любой момент, повинуясь малейшему желанию мастера, выглянуть на свет. Предмет как бы «прорастает» фигурками животных, их головками, ногами, ушами, глазами, копытами, рогами...

Бляхи и нашивки из Чиликтинского кургана близ Семипалатинска.

Золото. VII—VI вв. до н. э. Государственный Эрмитаж

Алтайские Пазырыкские и Башадарские курганы V—IV вв. до н. э. не столько раскапывали, сколько «оттаивали», — могилы были затянуты вечным льдом. То, что сохранилось в них, поразило весь мир. Это было одно из крупнейших археологических открытий XX в. Прежде мы знали главным образом драгоценные предметы в скифо-сибирском «зверином стиле». Теперь же перед нами представили сотни рядовых вещей из войлока, шерсти, тканей, дерева — богато украшенные образцы загадочного, своеобразного искусства. По своей выразительности, по

своим художественным достоинствам они не уступали прославленным украшениям из царских курганов скифов. Бесконечной чередой прошли перед исследователями пазырыкские и башадарские бараны, кабаны, олени, горные козлы, тигры, барсы, степные кошки, зайцы, гуси, лебеди, орлы, пеликаны, тетерева, фантастические животные — грифоны с большими ушами и хохолком и т. п. Человеку XX в. явился мир чувств, верований и идей, совершенно ему чуждых.

В алтайских курганах обнаружены изделия с характерными для искусства кочевников Евразии эпохи раннего железного века сценами борьбы хищников или нападения хищника на копытного. Так же как и в скифском искусстве, здесь много общего с искусством Переднего Востока и Ирана. Популярность этих сцен объясняется тем, что их смысл, их своеобразный динамизм имели параллели, нам сейчас не совсем понятные, в идеологии кочевых племен той эпохи.

Предметы из Башадарских, Пазырыкских и других курганов предстают перед нами как образцы варварского искусства, при изготовлении которых мастера часто совмещали все известные им художественные приемы. На одном и том же седле мы находим вырезанные из кожи чрезвычайно графически выразительные силуэты, золотые листки, вставленные для украшения фигур зверей, раскрашенные краской кожаные подвески с цветными пряжами конских волос, резные привески из дерева и т. п. При этом во всем господствует безусловное единство стиля, чуждое какой бы то ни было эклектики, хотя некоторые элементы этого стиля и сюжета заимствованы.

Вечная мерзлота в Пазырыкских курганах сохранила тела погребенных так хорошо, что можно рассмотреть даже татуировку во всех ее деталях. Это тоже произведение искусства. Рисунки зверей играли, вероятно, здесь роль оберегов. Понятно при этом стремление художника-татуировщика покрыть тело рисунками так, чтобы они «слились» с телом, составили покров, не просто «накинутый» на человека, а ставший частью его плоти, его сущности. Татуировка рук выполнена таким образом, что на передней стороне оказываются головы животных, обильно украшенные спиральями, сливаются детали рисунков различных зверей. Животные с оленими головами и

Резной саркофаг из Башкадарского кургана на Алтае.
Дерево. V в. до н. э. Государственный Эрмитаж

телом имеют грифоний клюв, хвосты хищников, а из их огромных рогов прорастают стилизованные птичьи головки. На задней, мало видной стороне руки части животных переданы одним контуром. Характерна татуировка на правой руке. Художник помещает мелкие изображения в самом низу, у запястья, выше располагает более крупные фигуры, но все же дробно орнаментированные, а у плеча — самый крупный рисунок — фантастического зверя. Легкие движения кисти соответствуют этим расположенным внизу мелким динамичным рисункам, более крупные и сильные мускулы плеча покрыты более статичным и крупным изображением. Последнее как бы живет вместе с человеком. Одна из передних ног зверя попадает на руку, другая — на грудь. Если человек поднимает и опускает руку, ноги животного приходят в движение.

Стремление подчеркнуть единство рисунков с телом человека бросается в глаза и при знакомстве с татуировкой правой ноги. Неподвижность части голени подчеркивается большой схематической фигурой рыбы. Подвижная часть ноги у щиколотки покрыта мелким динамичным изображением какого-то зверька. А мускулы икр разрисованы четырьмя фигурами бегущих баранов: передние ноги одного касаются задних ног другого. Создается четкий ритм движения этих фигур. Они постепенно увеличиваются снизу вверх. Кажется, что на ноге по мускулам икр проходит легкая судорога.

Предметы «звериного стиля», обнаруженные в Сибири, достаточно хорошо известны, в частности, по знаменитой коллекции золотых блях, собранных из разрушенных погребений второй половины и конца I тыс. до н. э., так называемой Сибирской коллекции Петра I. На этих бляхах оживает богатый животный мир сибирских и казахских степей. Рыбы и змеи, утки, лебеди, орлы и соколы, еж, олень, лось, косуля, лань, горный баран, волк, барс, тигр, лев, лошадь, баран, як, верблюд, собака чередуются с фантастическими грифонами и другими сказочными чудовищами: то это животные с телом ящерицы и головой козла, то это лев с олеными рогами, то это волк с кабаньим носом и клыками или с ушами в виде голов грифов — явления «зооморфных превращений», которые были характерны и для скифско-сибирского «звериного стиля».

Бляхи из Сибирской коллекции

Золото. Конец I тыс. до н. э. Государственный Эрмитаж

В этих изделиях проявилась необыкновенно богатая фантазия древних мастеров Сибири.

Как и на алтайских древних вещах, здесь богато представлены сцены терзания и борьбы зверей: нападение грифа на яка и тигра, оспаривающего у грифа эту добычу, нападение змеи на волка, тигра на коня, борьба тигра и двугорбого верблюда на фоне дерева. В этих изделиях проявилась необыкновенно богатая фантазия древних мастеров Сибири. В сценах с животными они сумели создать впечатляющие образы, полные жизни, экспрессии. Характерным было выделение наиболее важных деталей тела животного запятыми, полукружиями, спиральями, стремление подчеркнуть длинные пряди шерсти с помощью волнистых линий (это хорошо видно на бляхах из Сибирской коллекции Петра I). Но часто на больших металлических бляхах в алтайских курганах и на предметах, вырезанных из дерева, основные контуры животных вырисовываются благодаря соединению крупных, наклоненных друг к другу гладких поверхностей. Особенно эффектно выглядят золотые бляхи — большие нерасчлененные поверхности металла из-за разного угла наклона бле-

стят по-разному, создавая выразительную игру света и тени.

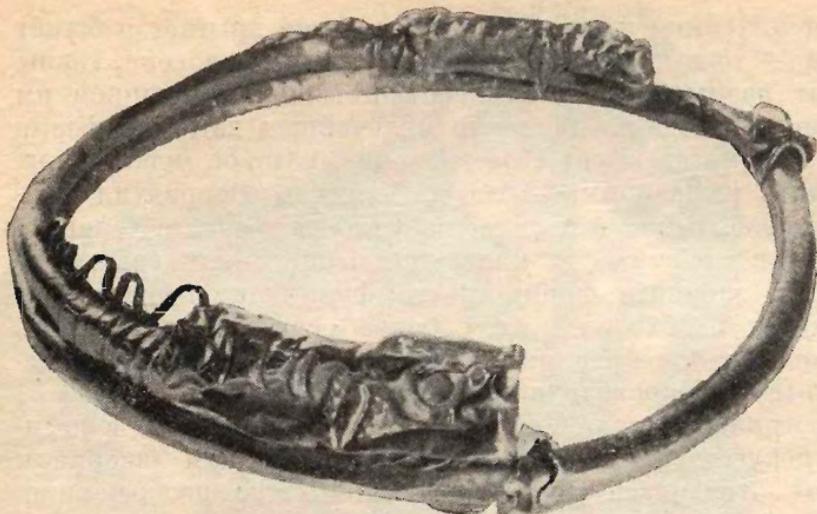
На бляхах из Сибирской коллекции Петра I это впечатление усиливается благодаря контрасту блестящих поверхностей металла и тех участков, где поверхность покрывалась волнистыми линиями. Тело одного из борющихся животных поэтому остается гладким, отчего оно выглядит особенно сильным и динамичным, а косматое тело другого по сравнению с блестящим телом первого, под кожей которого играют и переливаются от напряжения мускулы, кажется неуклюжим, малоподвижным, хотя и этот зверь достаточно мощен. Мастер не просто показывал драку двух фантастических хищников, а как бы борьбу двух стихий и их взаимопроникновение, где ловкость, подвижность, мощь железных мускулов противостоят массивности тяжелого, но сильного тела.

В изделиях «звериного стиля» отражена главная особенность древнего степного искусства Евразии. Предмет с его функциональным назначением как бы сливаются здесь с изображенным на нем животным. Служащий для какой-то утилитарной цели выступ пряжки или бляхи становится одновременно клювом грифона, представленного на ней. В сознании первобытного человека весь мир был населен фантастическими существами, а каждая из вещей имела душу. Ему казалось, что из народа на дереве выглядывает лицо лешего, а из-за камня смотрит зверь, которого род считает своим предком и покровителем.

Среди предметов «звериного стиля» в Сибири, на Урале, в Прикамье распространены чеканы с длинным острием, как у кайла, обычно украшенные фигуркой птицы. У скифов они имеют форму маленьких молоточков с острым концом в виде головы и клюва хищной птицы. Эти чеканы называют клевцами. Древние считали, что птица на оружии должна была помочь в бою.

Представление об изображении на предмете как о чем-то таком, что реально существует и помогает, защищает, спасает, еще недавно бытовало у многих отсталых племен.

Этнограф Кэшинг в XIX в. записал об одном африканском племени: «Зуны, подобно первобытным народам, вообще представляют себе изготовленные человеком предметы живыми на манер растений, животных, погруженных в зимнюю спячку, заснувших людей. Это своего рода

Гривна из Сибирской коллекции

Золото. Конец I тыс. до н. э. Государственный Эрмитаж

Предмет как бы «прорастает» зооморфными изображениями.

Гривна из Сибирской коллекции

Золото. Конец I тыс. до н. э. Государственный Эрмитаж

Изображения животных совмещены с геометрическим орнаментом, которому придается большое значение в системе декора.

приглушенная жизнь, тем не менее весьма могучая, способная проявляться пассивно своим сопротивлением и даже активно действовать тайными путями, могущая производить добро и зло. А так как известные им живые существа, животные например, имеют функции, соответствующие их формам, птица имеет крылья и летает, рыба

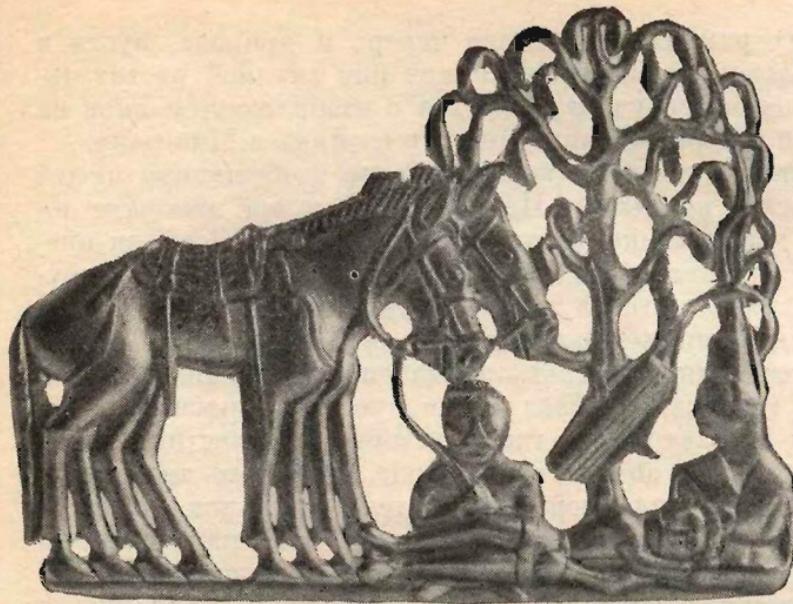
имеет плавники и плавает, четвероногое прыгает и бегает и т. д.— то и предметы, созданные рукой человека, также имеют разные функции в соответствии с приданной им формой. Отсюда следует, что мельчайшая деталь в форме этих предметов имеет свое значение, которое может иногда стать решающим⁴. Эта особенность восприятия формы первобытным человеком побуждала древнего человека видеть в практически малосущественном или совсем не нужном элементе формы нечто функционально существенное и необходимое, тем более если им становилось одухотворенное древними верованиями изображение зверя:totема, покровителя, помощника и т. п.

Продолжая мысль Рейнака об основных идеях в древнем искусстве, можно сказать, что в степном «зверином стиле» отразилась идея магической силы изображения.

По мере развития скифо-сибирского «звериного стиля» зависимость изображения от очертаний предмета приводит к тому, что само изображение становится все более и более далеким от реальности: зверь принимает такие неестественные позы, что его фигура превращается просто в орнаментальную схему. Мастер свободно размещает части животного, не смущаясь ненормальностью их сочетаний, лишь бы представить глаз, ухо, ноздрю, клюв, лапы на плоскости сложного предмета.

На рубеже нашей эры предметы, украшенные в «зверином стиле», усложняются еще бесчисленными вставками из разноцветных камней. Встречаются бляхи, так перегруженные всякого рода вставками, которые символизируют мускулы животных, листву деревьев и т. п., что становится не видно ни самой сцены, ни зверей, а все изделие выглядит лишь сложной узорчатой основой для пестрых наборов камней. Но в древнем искусстве кочевников еще таятся творческие силы, способные вернуть его на путь реализма.

В последние века до нашей эры в Сибири и Монголии появляются большие прямоугольные бляхи, на которых изображение как бы обособливается от всего остального мира с помощью рамки. Раньше сам предмет давал контур — потому так ломалось тело животного, изгибались его конечности. Зверь с трудом втискивался в границы бляхи или пряжки, навершия или рукоятки меча. Чтобы вернуть ему естественность, нужно было создать иллюзорное пространство.

Бляха из Сибирской коллекции

Золото. Конец I тыс. до н. э. Государственный Эрмитаж

Можно предполагать, что это сцена из героического эпоса сибирских племен.

Среди сибирских блях III—I вв. до н. э. есть бляхи в виде лошади, горного козла, пасущейся лани, у которых в ногах изображена полоской металла земля. От этого изображение получает устойчивость. Намек на рамку организует всю сцену, выделяет ее из окружающей среды, не дает животному распластаться по предмету, вывернуть задние ноги, выпустить из своего тела какие-нибудь головки других животных или птиц — бурные проявления «зооморфных превращений».

Полная прямоугольная рамка с изображением различных сцен борьбы животных появляется на больших бляхах из Монголии в начале нашей эры.

Приемы передачи деталей архаические, присущие скифо-сибирскому «звериному стилю», но тела зверей уже не закручены в клубок, а расположены внутри прямоугольной рамки. Перед нами как бы небольшая картинка, «изобразительное поле», на котором происходит какое-то действие, не зависящее от всего остального, в том числе и от самого предмета.

В этих рамках появляется теперь и природа, пусть в виде условно показанных холмов или скучной растительности, например на двух бляхах с изображением яков на фоне гор и деревьев из хунинского кургана в Монголии.

Особенно интересны весьма редкие изображения людей в Сибирской коллекции Петра I. На большой застежке показаны два лучника, охотящиеся на кабана. Всадник преследует мчащегося во весь опор огромного кабана; другой охотник сидит на дереве и удерживает за повод испуганную лошадь. Охота происходит в гористой лесной местности. Вся плоскость заполнена листьями и ветвями. На горе стоит козел и, не чувствуя опасности, наблюдает за охотой. На тонкой свернутой пластине перед нами предстает сцена возвращения после боя пяти всадников. Через седла перекинуты тела погибших. В руках воинов оружие, на головах шлемы. Наконец, две знаменитые парные бляхи-застежки с изображением людей, отдыхающих под деревом со стоящими рядом оседланными лошадьми. Под деревом сидит женщина в высокой шапке. На ее коленях спокойно спит мужчина. Оружие его висит на ветвях дерева. Рядом сидит третий человек, быть может, слуга. Вероятно, это сцена из героического эпоса сибирских племен.

Но постепенно на смену плавным живым очертаниям тел животных, сюжетным композициям приходит геометризм. Мастера продолжают изображать зверей и птиц, но линии становятся сухими, тела принимают формы геометрических тел, лапы животных кажутся нам частями каких-то сложных абстрактных фигур.

На западе европейских степей искусство геометрического стиля победило старый «звериный стиль» более радикально, чем на востоке. Это произошло здесь примерно в III—IV вв.

Но менялись не только стили в искусстве, менялись времена — наступала новая эпоха, эпоха средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

¹ См. «Херсонес-Таврический». Симферополь, 1968, стр. 14—16.

² Цит. по кн.: Г. Д. Белов. Терракоты Танагры. Л., 1968, стр. 4.

Глава II

¹ *Арриан*, IV, 18.

² *Арриан*, V, 26.

³ Эти строки взяты из стихотворения греческого поэта VII в. до н. э. Архилоха. Вот тот фрагмент, который сохранился от этих стихов:

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой,

Ободрись и встреть их грудью, и ударим на врагов!

Пусть везде кругом засады,— твердо стой, не трепещи.

Победишь — своей победы напоказ не выставляй,

Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.

В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.

Познавай тот ритм, что в жизни человеческой скрыт.

Перев. В. Вересаева

Глава III

¹ «Султаном», по-моему, очень удачно, хоть немного анахронистично назвал Митридата Моммзен (см.: Т. Моммзен. История Рима, т. II. М., 1937, стр. 250 и сл.).

² *Плутарх*. Марк Красс, 26. Конечно, всегда остается сомнение, не придумал ли эти эффектные слова Плутарх, который оставил нам описание боя у Карр. В позднеантичную эпоху писатели любили вкладывать в уста своих героев сочиненные ими самими речи (вспомним, например, речи Александра в передаче Ариана).

Глава IV

¹ См.: *Филострат Старший*. Картины. М.—Л., 1936, стр. 165.

² См.: Б. Я. Стависский. Между Памиром и Каспием. М., 1966, стр. 181—191.

³ *Филострат Старший*. Указ. соч., кн. II, стр. 5.

⁴ Эти слова принадлежат историку К. Лассену (см. кн. «К истории греческих и индо-скифских царей в Бактрии», изданную на немецком языке в Бонне в 1838 г.).

⁵ См.: В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 68.

⁶ Полибий, XI, 6.

- ⁷ Юстин, XLI, 6. В истории греко-бактрийских царей много неясного. Например, оспаривается родство Евкратида с Селевкидским домом. Полагают, что Евкратид мог убить не Гелиокла, а его брат Платон. Есть и другие спорные моменты.
- ⁸ Abu Rayhan Muhammad b. Ahmad al-Biruni. Al-Qanunu'l-Mas'udi (Canon Masudicus), I—III. Heyderabad, 1954—1957, p. 362.
- ⁹ Само собой разумеется, что эти названия дали залам сами археологи.

Глава V

- ¹ Геродот, IV, 11; Библия, книга пророка Иеремии.
- ² Цит. по кн.: И. Брашинский. Сокровища скифских царей. М., 1967, стр. 32—34.
- ³ См.: Геродот, IV, 9.
- ⁴ Цит. по кн.: Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930, стр. 23.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

К главе I

- Античная цивилизация. М., 1973.
В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.
Б. Грифцов. Искусство Греции. М.—Пг., 1923.
Л. М. Славин. Здесь был город Ольвия. Киев, 1967.
Б. В. Фармаковский. Художественный идеал демократических Афин. Пг., 1918.

К главе II

- Арриан. Поход Александра. М.—Л., 1962.
А. Боннар. Греческая цивилизация, т. III. М., 1962.
В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
М. Уиллер. Пламя над Персеполем. М., 1972.

К главе III

- М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.—Л., 1961—1964.

К главе IV

- Б. Г. Гафуров. Таджики. Отв. ред. Б. А. Литвинский. М., 1972.
Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. М., 1966.
В. М. Массон. Страна тысячи городов. М., 1966.
М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы. М., 1956—1959.
В. М. Массон, В. И. Сарианиди. Каракумы: заря цивилизации. М., 1972.
Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана (с древнейших времен до середины XIX века). М., 1965.
Г. А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана. М., 1967.
В. И. Сарианиди, Г. А. Кошеленко. За барханами — прошлое. М., 1966.
Б. Я. Ставиский. Между Памиром и Каспием. М., 1966.
С. П. Толстов. По следам древнекорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

К главе V

- И. Брашинский. Сокровища скифских царей. М., 1967.
Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971.
С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Греческие города на берегах Понта Евксинского	3
Глава II. Империя Александра Македонского от Нила до Инда	22
Глава III. Понт. Боспор. Рим. Парфия	34
Глава IV. Древние цивилизации в оазисах Средней Азии	44
Глава V. Кочевники в евразийских степях	74
Примечания	101
Рекомендуемая литература	103

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов НА ОКРАИНАХ АНТИЧНОГО МИРА

Утверждено к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор И. В. Шевелева. Художник В. К. Бисенгалиев
Художественный редактор В. А. Чернецов.
Технический редактор Л. И. Куприянова
Корректоры М. В. Борткова, Т. В. Гурьева

Сдано в набор 13/II-1975 г. Подписано к печати 19/V-1975 г.
Формат 84×108^{1/32}. Усл. печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 64 000.
Т-10502. Бумага типографская № 2.
Тип. зак. 1803 Цена 32 коп.
Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
КНИГА:

**Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.
12 л. 80 к.**

Книга посвящена истории четырех крестьянских войн в России. В ней дается описание исторической обстановки, им предшествовавшей, хода народных движений, деятельности их главных вождей и других отважных борцов за землю и волю. Особое внимание уделяется вопросу о месте, которое занимали крестьянские войны в истории классовой борьбы в России периода феодализма, характеристике размаха борьбы, идеологии ее участников, выявлению исторического значения этих широчайших народных движений. Выясняются причины поражения крестьянских войн, их влияние на развитие страны.

Адреса магазинов
«Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/
97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Ириутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. К. Маркса, 29; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушаки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

проект

остры рымских уэст